Святой папочка

Автор:
Патриция Локвуд

Святой папочка

Патриция Локвуд

Возвращаться в родительский дом, когда ты уже взрослая замужняя женщина, – непросто. А когда твоя семейка такая кипучая и даже слегка безумная – непросто вдвойне. Но обстоятельства вынуждают Патрицию именно к этому…

Автобиографическая книга одной из самых остроумных американских поэтесс и писательниц. Рассказ о детстве, проведенном на нищем Среднем Западе, заваленном ядерными отходами, об отце – эксцентричном католическом священнике-рокере, матери, говорящей загадочными коанами, о первой любви и отваге быть собой.

Дерзкая, одновременно трогательная и комическая история о том, что и взрослые могут оставаться легкомысленными и откровенными.

Патриция Локвуд

Святой папочка

Посвящается моей семье

Patricia Lockwood

PRIESTDADDY

Published by arrangement with The Lear Agency of 539 Henry

Street, Brooklyn, NY 11231, USA in conjunction with

Intercontinental Literary Agency Ltd of 5 New Concordia

Wharf, Mill Street, London, SE1 2BB

Дизайн обложки Ксении Волковой, использовано фото Shutterstock.

Лучшая книга 2017 года по версии

The New York Times Book Review, The Washington Post, Elle, The Boston Globe, The Chicago Tribune, The Sunday Times, The Guardian, The New Yorker

Забавная, нежная, непристойная, сложная история, которая с лирической легкостью переходит от трагедии к комедии.

Локвуд искренне пишет об идентичности, религии, любви и семье.

K i r k u s R e v i e w s

Copyright © 2017 by Patricia Lockwood

© Мария Чайковская, перевод на русский язык, 2021

© Livebook Publishing LTD, оформление, 2021

Начальные обряды [1 - Начальные обряды – первая часть католической мессы, призванная объединить присутствующих и подготовить к основной части службы (здесь и далее прим. пер.).]

– Прежде чем позволить твоему отцу стать священником, – говорит мама, – они заставили меня сдать специальный тест – хотели убедиться, что я не психопатка. Вы же понимаете, у священника не может быть жены-психопатки, это навлечет позор.

Она ставит передо мной кружку, до краев полную чая, и орет: «ГОРЯЧО!» Потом ставит другую перед моим мужем Джейсоном и опять орет: «ОСТОРОЖНО, ГОРЯЧО!» А затем усаживается во главе стола и смотрит на нас, лучась чистым материнским счастьем и желанием поведать нам возмутительную историю о том, как кто-то посмел усомниться в ее душевном здоровье.

Мы сидим в столовой отцовского приходского дома в Канзасе. Совсем недавно я вернулась сюда после двенадцатилетней разлуки с родителями. Джейсон сидит рядом, прижимаясь к моему плечу своим – успокаивает и морально поддерживает, а сам изо всех сил старается не смотреть на распятие, висящее на противоположной стене. По распятию бегут существительные, словно вырванные из стиха: «кровь», «плоть», «кость». У нас с Джейсоном ни гроша в кармане и силы совсем на исходе, и поэтому, следуя великой традиции человечества, мы решили отдать себя на милость церкви, которая в моем случае приняла на редкость патриархальную форму. Она ходит, дышит, ругается и называет меня Чуточкой. А в настоящее время измывается над гитарой в комнате наверху, через коридор от спальни, где мы с мужем проведем наше обозримое будущее. В окне, выходящем на восток, я вижу ту же мрачную и строгую геометрию зданий, которая стискивала меня на протяжении всего детства: закрытую школу, запертый спортзал, площадки и острые шпили места всеобщего преклонения, стремительно взлетающие в ночное небо.

– Ну да. Кому захочется… навлечь позор… на Католическую церковь, – говорит Джейсон с почти восхитительной дипломатичностью, а потом выразительно дует на раскаленный чай.

– Это точно, – кивает мама. – Они пришли к нам домой, потому что психопаты чаще всего психопатят именно у себя дома, за закрытыми дверями. В ловушку меня хотели загнать, вот как. И вопросики все эти с собой притащили. Спрашивали меня: «Вы когда-нибудь испытывали угрызения совести за убийство? Какие наркотики нравятся вам больше всего? Когда с вами разговаривает ваша собака, о чем она обычно говорит? Сколько раз вам хотелось наложить на себя руки?» А когда я сказала, что мне ничего подобного никогда не хотелось – не поверили! Ну с какой стати мне хотеть наложить на себя руки? Я люблю жизнь!

Она с неожиданной яростью мешает ложкой в чашке с узором из розовых бутончиков, охваченная внезапным желанием вернуться назад во времени и наподдать им.

– Они так много говорили, и все время с этими подвывертами и двойным дном, да так, что я в конец растерялась! «Возвращайтесь со своими тестами, когда вопросы будут на английском!» – вот как я им сказала, и выставила их за дверь!

– Удивляюсь, как ты вообще его сдала, – говорю я. – Судя по твоему рассказу, тебе должны были дать очень неважную характеристику, а если честно – то и вообще «неуд» влепить.

– Я просто перехитрила этот их тест, – говорит она, значительно вскидывая указательный палец и игриво касаясь кончика моего носа. – Точно так же я получила самую высокую оценку, когда сдавала АОТ! [2 - SAT Reasoning Test (а также «Scholastic Aptitude Test» и «Scholastic Assessment Test», дословно «Академический оценочный тест») – стандартизованный тест для приема в высшие учебные заведения в США.] Самую высокую за всю его историю!

– Не знала, что ты сдавала АОТ.

– Аппетито-оценочный Тест, – уточняет она звенящим голосом. – Они сказали, что в жизни не видели ничего подобного.

– Зачем вешать такое на стену, – шепчет Джейсон, глядя мимо нас на окровавленное распятие, завороженный видом запекшейся крови. – Зачем вешать такое в комнате, где едят? Выглядит как орущий антрекот.

– Тебя они тоже проверяли, – продолжает матушка. – Тоже хотели узнать, не психопатка ли ты. Но ты была еще маленькой, и ничего еще не проступило, слава тебе Господи.

– А вот твой отец наверняка получил бы «неуд», – говорит Джейсон, находя вопросы теста в интернете и жестом призывая нас к тишине. – Вот, послушайте.

Я был(а) проблемным ребенком.

Да

Нет

Я не могу сказать про себя, что я застенчивый или неуверенный человек; я высказываю свои мысли с уверенностью.

Да

Нет

Я не горжусь и не гордился(лась) бы тем, что мне удалось избежать наказания за совершенное мной преступление.

Да

Нет

Прямо слышу, как отец начинает протестовать: ну а кто не гордился бы, что ему удалось улизнуть от наказания? И кто из нас не был проблемным ребенком? Когда собака пытается с вами пообщаться, разве она не пытается сказать вам,

что вы – лучше всех? Мама не помнит, сдавал ли отец такой тест, но даже если и да, то к нему наверняка в последний момент снизошел Иисус и заполнил анкету за него, потому что отцу все-таки позволили стать священником, и в церковные двери он входил свободно, с высоко поднятой головой и в полном психическом здравии, пока его психически здоровая жена и психически здоровые дети в полном здравом уме наблюдали за ним со скамьи.

Джейсон в это время листает список вопросов, и чем ниже спускается, тем больший ужас проступает на его лице. Когда он читает вопрос «Я часто заставляю других платить за меня: да/нет» – хватается за сердце.

– Да мы же все психопаты, – скорбно стонет он. – Мы даже сейчас, сидя в этом приходе, в доме твоего отца, ведем себя как психопаты.

– А я вам говорила! Именно дома все это и происходит! – говорит матушка.

Мы забираем чай в гостиную и рассаживаемся на диване – вместе посмотреть семейные фотографии. Их целые сотни, и почти все они ужасны, за исключением тех, на которых запечатлены закаты над морской гладью или пляжи, усыпанные измельченными в крошку ракушками. На одном из снимков моя матушка одета в футболку с кроликом из «Плейбоя», которую мой отец подарил ей на двадцать второй день рождения – еще до того, как обрел Бога. Она в библиотеке, волосы у нее длинные, цвета сердолика, она улыбается и позирует на фоне полок с энциклопедиями в красно-золотом переплете. А вот мой отец на пятинедельных «библейских археологических раскопках», на нем белые шорты, а кожа у него цвета мокрого песка. Он ищет двери в Первый Храм. Вот он стоит на том месте, где стадо визжащих бесовских свиней было загнано в Галилейское море.

– Может, папу позовем, пусть спустится? – спрашиваю я, хотя отец никогда не находил нашу семейную сагу такой же захватывающей, как все мы. Один раз, когда мы вместе с ним смотрели слайды с тех самых раскопок, он каким-то образом умудрился вспомнить точные географические координаты в Святой Земле и в подробностях описать каждый камень, который встретился ему на раскопках, но когда появился слайд с ребенком, он понятия не имел, который это из пятерых его детей.

Ну да, а вот и мое фото – я похожа на слизнячка, пускаю слюнки. Похоже, рот я научилась закрывать, только когда научилась говорить.

– Ты была таким ребенком, которого можно было положить на покрывало, уйти на три часа, вернуться – а он и не пошевелился, – одобрительно говорит мама. – Вот тогда-то я и поняла, что ты у меня настоящий мыслитель.

А вот снимок, на котором меня держат руки в черных рукавах, а над головой у меня парит белый прямоугольный воротничок – но не как нимб, а, скорее, как первая страничка новенькой тетради. А вот мой отец в ужасающем, тесном матросском костюме. А вот он – Дракула-пролайфер [3 - Пролайф, или движение «в защиту жизни», «в защиту человеческой жизни», «за жизнь», – переводы английского термина pro-life, которые обозначают общественное движение, нацеленное на запрет или ограничение абортов.]. А вот он в плавках на берегу живописного озера, лежит между двумя барханами, похожими на ягодицы.

– Из крайности в крайность, верно? – замечает Джейсон. – Он вечно либо голый, либо в рясе до пола.

На следующем фото отец сидит на хромированном мотоцикле с вишневыми вставками и подпирает собой мою мягкую и как будто бескостную фигурку в пижаме. Мои глаза полны непролитых слез, потому что я в этот момент думаю о несчастных случаях, авариях и прочих опасностях, которые неизбежно с тобой произойдут, если начнешь гонять на этой рычащей штуке. А вот отец лежит на спине и делает вид, что хочет откусить мне щечки, ушки и ручки. Отец загорает полулежа, раскинув ноги, а у него на коленях резвятся щенки терьера.

– Скажите мне, что на нем тут есть одежда! – умоляюще восклицает мой муж.

– Трусы, – отвечает матушка, склонив голову набок и чуть прищурившись. – Одни трусы.

– Вот отсюда ты и произошла, – говорит он, указывая на белый треугольник в центре шерстяного собачьего урагана. – Во-от отсюда.

Я закрываю глаза, пытаясь это развидеть. Мне приятнее думать, что я порождена силой мысли, что я зародилась у него в голове и нигде больше.

А на следующем фото мой отец стоит перед алтарем в девственно-белой рясе, готовый принять незримое благословение и войти в ту жизнь, свидетельницей которой я была, во всей ее странности, невозможности и явных противоречиях. Католическим священникам по определению не разрешается вступать в брак, но моему отцу каким-то образом удалось обойти все эти ограничения и, несмотря ни на что, получить свой воротничок. Он стал для меня исключением из правил еще до того, как я вообще поняла, что такое правила. Лазейкой в образе человека, через которую я и проскочила в этот мир.

– Вы только посмотрите на него, – бормочет Джейсон с почти благоговейным трепетом в голосе и отчаянной попыткой понять – во взгляде. Но вера и отец преподали один урок: уметь жить в окружении загадок и тайн – и любить такую жизнь.

Бывают люди настолько неординарные, что их очень трудно представить младенцами, в подгузниках, нескольких дней отроду, но мне почему-то всегда было очень легко представлять отца ребенком – так и видела, как он вальяжно лежит на спине среди свежих простыней, покуривает толстенную сигару, празднуя собственное появление на свет, а затем с шиком гасит эту сигару о нос своего первого плюшевого мишки.

Он явно страдал (а может, и наоборот) от врожденного озорства. И был либо любимым ребенком, либо человеком, который везде и всюду утверждает, что это так, хотя на самом деле – нет. Даже на самых ранних детских фотографиях отец улыбается, как мультяшный злодей, потирающий ручки, словно мгновение назад фотограф, делавший этот снимок, на глазах у него ухнул в люк. Его волосы, темные и вьющиеся, змеились кверху, точно дым от незаконного костра. Он был одновременно и херувимом, и чертенком – в возмутительно коротких штанишках. Близорукость, которую почему-то унаследовала только я, проявилась уже тогда и вынудила его носить очки с линзами толще, чем стекла в автомобиле Папы Римского. Движимый своими хотелками, непомерными даже в детстве, он, бывало, прокрадывался на коктейльные вечеринки своей матери, объедал все креветки с серебряных блюд и с хихиканием уносился прочь. А бабушка потрясала ему вслед розовой лапкой, в которой обычно держала бокальчик джина с тоником, и пыталась поймать шалунишку, но штука в том, что моего отца поймать было невозможно. Он всегда был сама внезапность.

Вместо того, чтобы любить поезда, как это делали более приличные и хорошие мальчики, он приходил в восторг от бетономешалок, чья работа заключалась лишь в постоянном и стабильном вращении и перемешивании.

Уверена, ему не давало покоя устройство нашего мира. И что он потянулся к раю лишь потому, что под небом Цинциннати было невозможно тянуться к аду. Прошло совсем немного времени, и он превратился в ухмыляющегося подростка-атеиста, чьей религией были рок-н-ролл, обтягивающие джинсы и отсутствие всякого уважения к старшим. Он играл на гитаре, закинув ноги на стену и взрывал вишневые бомбы в школьных туалетах. Он первый в школе отрастил длинные волосы – но не до плеч, а скорее в виде непокорного облака вокруг головы, и когда его попытались выгнать за это из школы – лишь рассмеялся. С моей мамой он познакомился в 1968 году, когда они оба отбывали наказание в классе по алгебре. Я всегда с огромным удовольствием представляю себе эту сцену. Так и вижу, как моя миниатюрная матушка произносит во всеуслышанье: «Почему-то в этой школе жвачку выбрасывать не умеют одни, а расплачиваться за это должны другие». Мой отец поднял взгляд от парты, с которой соскабливал эти самые жвачки, и его точно громом поразило. Как и все смутьяны, он испытывал тайное желание жить по правилам и любить такую жизнь. Спать, завернувшись в свод правил, под пухом которых ему было бы так уютно и хорошо. Она стояла в дверном проеме кабинета, окруженная нимбом восхитительной, сияющей неприкосновенности, и в тот момент мой отец решил, что женится на ней. Он преследовал ее везде и всюду, приставал к ней, провожал до дома, бросал камешки в ее окна и настойчиво повторял один и тот же вопрос: ты выйдешь за меня?

А вот и фото моей матери – она держит отца за руку, суть Мадонна с овальным личиком, безлико-миловидная, но левый клык в улыбке выдает в ней загадочное озорство.

– Почему ты согласилась? – спрашиваю я, хотя и так знаю ответ. Мама обожает спорить, а любовь – единственный спор, который можно выиграть согласием.

– Он тогда был хулиганом, – вспоминает она, – но я знала, что еще сделаю из него католика, потому что по-настоящему плохие люди всегда рано или поздно обращаются к христианству. Святой Павел был самым страшным хулиганом в истории, но жизнь сбросила его на землю, и вот – он попал в Библию.

Я уже давно и безнадежно утратила связь с этими корнями и больше всего чувствую себя католичкой лишь в те минуты, когда думаю о том, сколько ирландцев должно было заняться сексом, прежде чем возникла бы статистическая вероятность, что на свет появлюсь я. Моя матушка была последней в этой километровой очереди – вторая из шестерых детей в семье, выросшая в соседнем районе, где на каждом углу стояло Святое Что-Нибудь, и носившая горстку четок в кармане вязаного кардигана. Если сравнивать религию со спортом, то у моей матери был врожденный талант. Ей даже задумываться не приходилось, руки, как говорится, сами делали – они крестили и складывались в молитве по неуловимому наитию, потому что именно эти движения нравились ее телу больше всего, так же как телу прыгуна через барьеры больше всего нравятся прыжки. Она сказала моему отцу «да», ликуя про себя, что наконец-то одержала победу в споре, и в восемнадцать лет мои родители уже стояли у алтаря.

Она каждое воскресенье исправно посещала церковь, что мой отец находил «чертовски забавным». Он же, в свою очередь, не собирался сидеть взаперти в маленьких душных помещениях и выполнять трюки по команде. Вместо этого он вступил в ряды военно-морского флота и погрузился в океан в самом маленьком и душном помещении, которое только можно себе представить: атомной подводной лодке «USS Flying Fish». Именно там, в жерле клаустрофобии, ядро его жизни расщепилось в ядерно-зеленом сиянии и свершилось его собственное сотворение. А произошло это во время ночного просмотра фильма «Экзорцист». В каюте было темно, вокруг папы в жутковатом свете цвета горохового супа сидела кучка матросов, перепуганных до чертиков. И именно в тот момент страх Господень влетел в моего отца, как дротик в яблочко. Он смотрел, как голова девочки вращалась, разворачивая перед ним скрытую и непознанную сторону жизни, и его собственная голова тоже пошла кругом. За время службы на той лодке матросы посмотрели «Экзорциста» еще семьдесят два раза, и с каждым новым разом мой отец все больше и больше обращался в христианство.

Поставьте себя на его место. Вы – лишь капелька крови, болтающаяся в глубинах океана, и вокруг вас сутками напролет – лишь напряженное гудение да яркие проблески радара. Русские где-то неподалеку спят и видят, как бы подорвать капиталистический устрой жизни, да еще и дельфины, заправские шпионы, день и ночь шныряют вокруг. Гнетущая атмосфера, как в ужастике. И в довершение ко всему вы садитесь перед экраном и видите на нем одержимую двенадцатилетнюю девочку, привязанную к кровати, блюющую какой-то зеленой мерзостью и орущую что-то на латыни задом-наперед. Одержимость демоном так велика и беспощадна, что единственный способ дать ей выход – заняться

мученическим, полным ненависти сексом с распятием. Вы бы тоже на его месте обратились.

Так он и крестился, но не в реке, а в океане, околоплодных водах планеты. Потом он всегда называл это «глубочайшим крещением в истории» – довольно яркое свидетельство того, как сильно мы оба любим всякие затейливые выражения.

Когда я думаю о том времени, когда он служил на флоте, мысли об этом всегда сопровождает ореол некой нереальности – как и всегда, когда речь заходит о подводном царстве. Я сразу представляю себе игрушечную подводную лодку, маленькую и гладкую, вижу, как она покачивается на воде в ванной, но в то же время знаю, что в реальности она не такая аккуратная, у нее другая форма, другие заклепки, и снаружи, и внутри в ней все соткано из железа. Представляю, что она для него значила! Как глубоко он проникся слаженной работой всех ее механических органов, как интимно он был с нею знаком. Когда мой отец однажды упал в открытый люк подводной лодки и сломал спину, это, должно быть, было похоже на падение внутрь себя самого. А когда нахлынула боль, он прочувствовал ее всем телом лодки, каждым ее болтиком и каждым швом.

Переродившись и телом, и духом, он вернулся домой к моей матери, на лице которой так ослепительно сияло триумфальное «Я-Же-Тебе-Говорила», что казалось, его блеск не померкнет уже никогда. Теперь он считал себя христианином и на несколько лет утонул в книгах и изучении этой темы. Мой отец и мертвого мог уговорить, поэтому уговорить себя стать глубоко верующим для него не составило труда. Он решил, что ему предначертано лютеранское служение. Не представляю, почему именно лютеранское, но подозреваю, что его очаровала харизма основателя этого движения: человека с песьей мордой, который каждым своим отверстием изрыгал оскорбления и искренне верил, что обладает силой изгонять дьявола.

Моя матушка тем временем, не желая отступать от ирландских традиций, бросила все силы на всепоглощающее искусство продолжения рода. Есть два факта касательно нашего происхождения, которые она вспоминает довольно часто, полагая, что они напрямую коснулись меня: первый заключался в том, что мою пра-пра-пратетушку отлучили от Католической церкви за занятия колдовством, а второй – в том, что моя пра-прабабушка была моделью нижнего белья. Пра-пра-пратетушка была знаменитой предсказательницей и знахаркой:

варила снадобья, вглядывалась в рисунок «глазков» на картошке, да и просто действовала Папе Римскому на нервы. О прабабке-модели вспоминали с таким же неодобрением, как будто они были неким образом связаны даже сквозь века – пока одна помешивала в своем ведьмином котле, другая в замедленной съемке скакала по ромашковому полю. Так что никто особо не удивился, когда из матушки выбралась я – крошка-экстрасенс с сиськами до пупа.

– Сразу видно – старая душа, – сказала акушерка, но все узрели истину, скрытую в этом тактичном эвфемизме: я была лукавым извращением природы, чудовищным гибридом пекла и небес. Мое рождение сопровождал сладострастный аромат адской серы. Не успела я на свет родиться, как тут же показала доктору непристойный жест, которого и знать тогда не знала, и видеть нигде не могла.

– Моя копия, – заметил отец.

Мои родители единодушно назвали меня в честь монахини, видно надеясь изменить ход моей судьбы, но пути назад уже не было, и они об этом знали. Акушерка запечатлела мою суть на бумаге и заклеймила официальной печатью.

Тогда мы жили в трейлере. Отец все глубже и глубже погружался в свои книги, и оставался там до тех пор, пока не решил, что уже готов к рукоположению. Он нацепил белый воротничок, который моя матушка теперь обязана была содержать в чистоте до конца их брака, и мы переехали из трейлера в приходской дом, который церковь выдавала священнику. Если у меня и сохранились какие-то воспоминания об этом времени – то это стены замка, шоколадно-коричневые скамьи и плещущиеся на большой высоте яркие полотна. Есть у лютеран какая-то страсть к знаменам, граничащая с эротическим помешательством. Нет никого счастливее, чем лютеранин, вырезающий здоровенные виноградины из фиолетового войлока и клеящий их к войлоку другого цвета. Еще я помню некоторых прихожан – квадратнолицых, голубоглазых, мягко лоснящихся после съеденного пирога с начинкой. Еще помню, как сама поглощала неимоверное количество разнообразных салатов с майонезом, которые особенно любили и прекрасно готовили лютеране. Если бы среди них вдруг явился Иисус и сказал: «Ешьте плоть мою», они бы точно сперва хорошенько вымазали эту плоть майонезом.

Именно на этом пасторально-богобоязненном фоне во мне и проклюнулись первые зерна богохульства. Однажды во время похорон, которые проходили в

этой торжественной, увешанной знаменами церкви, я повернулась к маме и громко поинтересовалась:

– МАМУЛЯ, А ГДЕ ТВОИ СОСКИ?

Она быстро закрыла мне рот ладонью и вынесла под громкое лютеранское «Ах!» Не понимаю, правда, почему. Им, значит, можно было жаждать узреть незримое, а мне почему-то нет, хотя мой интерес был не менее законным, чем их. И это был не последний раз, когда я пыталась отыскать в церкви мамины соски, но в последний – когда я объявила это во всеуслышание.

Все они были очень домашними людьми, но мой отец почему-то не чувствовал себя среди них как дома. Проповеди, который он читал, все больше и больше отдалялись от идеалов Мартина Лютера и стремились к чему-то другому, но только моей матушке было ведомо – к чему именно. Она знала, что мой отец постепенно становился католиком. Что он устал от виноградного сока и ему хотелось вина.

Устроено все следующим образом: когда женатый священник другой веры переходит в католицизм, он может обратиться в Рим за разрешением стать женатым католическим священником. И тогда – да, ему будет позволено сохранить жену. И даже детей, какими бы гадкими они ни были. Ватикан должен пересмотреть его дело и провозгласить такого священника годным к службе (дело моего отца одобрил Джозеф Ратцингер, позже взявший имя Папы Бенедикта XVI, а еще позже отрекшийся от папства и ставший загадкой в эльфийских туфлях, бродящей по частным садам среди розовых кустов, с глазами, похожими на два черных немигающих бутона). Получив это одобрение, человек мог начать готовиться к священнослужительству и получить посвящение, но только после того, как каждый член его семьи пройдет психиатрическую экспертизу и сдаст тест.

На посвящении в сан он лежал плашмя на полу, и я на мгновение забеспокоилась, что его сейчас начнут пинать и, может быть, даже ногами. Церемония длилась ровно столько, сколько и было обещано: целую вечность. На мне было мое самое противное и колючее платье цвета непогоды, и я всю церемонию ерзала на стуле, что чуть позже обрело некий особый смысл. Рядом со мной сидела мама, и я поняла, что именно она была тем, что отличало его от всех прочих священников. И я тоже. Когда все закончилось, все стали называть его отцом, но я и раньше его так называла, так что для меня ничего особо и не

изменилось. Все отцы верят, что они – Боги, и я считала само собой разумеющимся, что мой отец верил в это как-то особенно сильно.

В его голосе всегда звучала некая торжественная каменность, словно он только что спустился с горы со скрижалями в руках, и неважно, что он говорил: «СРАНЬ», «НЕ-Е» ИЛИ «С РОЖДЕСТВОМ, ТУДЫТЬ ЕГО РАСТУДЫТЬ».

Эту особенность унаследовала и я, за что очень ему благодарна.

Голова отца высовывается из дверного проема и напоминает мне планету, лежащую к Солнцу ближе, чем наша. Под мышкой у него толстенный талмуд, посвященный фальшивым Папам – судя по его размерам, их, наверное, было немало. Стекла наших с ним очков бликуют с родственной близорукостью, и я смотрю на отца со сложной нежностью во взгляде. Помню, как он прочитал мне проповедь под названием «Блудная дочь», когда я впервые сбежала с Джейсоном лет в девятнадцать. Чуть позже я вернулась к ним с коротким визитом и пела в церковном хоре со старшей сестрой в боковом алькове церкви, рядом со старым хрипящим органом, в окружении церковных свечей. Я слушала его, опустив голову, и хорошо запомнила узор на полу в церкви. В его версии я была никудышным сыном свинопаса, который сбегает из дома, но все равно с жалобным хрюканьем приползает обратно, растранжирив последние деньги. Тогда я не знала, как реагировать на его слова, стыдиться или потешаться, теперь же понимаю, что они оказались пророческими. Все эти годы я почесывала пузико своим внутренним свинкам либерализма, агностицизма, поэзии, блуда, сквернословия, чревоугодия и желания посетить Европу, но вот я снова дома, и сюда всем этим свинкам дорога заказана.

Отец приветствует нас с привычным великодушием, походя поносит президента, выражает уверенность, что «Цинциннати Бенгалс» «зададут всем трепку» в этом сезоне, выкрикивает «Кий-я!» безо всякой причины, напоминает маме перестирать тонну его нижнего белья, а затем снова исчезает на кухне и принимается жарить гигантский кусок свинины.

– Па! – кричу я. – А ты когда-нибудь сдавал тот тест на психа, о котором нам мама рассказывала?

– Дважды! – отзывается он. – Сначала он меня здорово выбесил, потому что они задают тебе один и тот же вопрос четыре раза и каждый раз как-то по-новому, чтобы тебя запутать. Меня это так возмутило, что я специально отвечал по-разному, и в результате выяснилось, что я на сто процентов чистый психопат.

– Ну а во второй раз? – рискую предположить я.

– А, да, во второй раз нормально сдал.

Моя мать кивает в ответ на это шокирующее признание с выражением «так их, черт бы их побрал!» Меня же в свою очередь захлестывает ошеломляющее чувство – КТО, БЛИН, ЭТИ ЛЮДИ? Но я-то точно знаю, кто эти люди, и понимаю их намного лучше, чем тех, кто в детстве ходил на балет, а теперь читает «The New York Times» по воскресеньям и блестяще сдает все личностные тесты. Из кухни течет поджаристый аромат моего прошлого, и я наполняюсь им, вдыхаю полной грудью.

Ни одна книга не просила, чтобы ее написали, так же как ни один ребенок не просил, чтобы его родили на свет. Но все равно начинать нужно с начала.

1. Соглашение о намерениях

В девятнадцать лет я должна была учиться в колледже, как и все остальные выпускники моей старшей школы. Грести знания лопатой, пытаться выпутаться из грязной рясы невежества. Чем еще люди обычно занимаются в колледже? Меняют имена на «Пачули», становятся вегетарианцами, отращивают волосы на ногах и так увлекаются историей древней Греции, что в какой-то момент ненароком приносят местного фермера в жертву, поклоняясь в полях богу вина и утех. Да и вообще, когда ты складываешь коробки в подержанную машину и уезжаешь из отчего дома, наблюдая за тем, как он отдаляется от тебя в зеркале заднего вида, ты в каком-то смысле перерождаешься – в ту форму, которую выбираешь сам; и я с нетерпением ждала этого момента. Я подала заявление, и меня приняли в колледж Либеральных искусств, на филологический, я готова была приступить к учебе зимой 2001, но в Сочельник, за две недели до того, как я должна была уехать в Аннаполис, мой отец позвал меня в свой кабинет – побеседовать.

Из радиоприемника в углу доносился возмущенный, неразборчивый голос Раша Лимбо [4 - Раш Лимбо – американский консервативный общественный деятель, ведущий рейтинговое радио-шоу The Rush Limbaugh Show.] и пьяный, гномий – Билла О’Райли [5 - Уильям Джеймс «Билл» О’Райли – американский журналист, политический обозреватель, ведущий телепрограммы «Фактор О’Райли». Является также автором нескольких книг по социально-политическим проблемам США.] – из телевизора. Моему отцу доставляло огромное удовольствие слушать их обоих одновременно, время от времени ухая, как сова, в знак согласия. На нем были его самые официальные боксеры, те, под которыми почти ничего не было видно. Он похлопал ладонью по месту рядом с собой на мягком кожаном диване (одной из личных заповедей моего отца было то, что диван должен быть непременно кожаным, потому что если ваш диван обит ситцем или еще чем другим – вам самое место на Сказочном Острове Сладостей). Я села и отвела взгляд, глядя мимо изгиба его скулы в окно, за которым, между нашим домом и школой по соседству, кружились снежинки – точно перья во время битвы подушками, которую затеяли бы мои соседи по общежитию.

– Чуточка, нам это не потянуть, – сказал он, сочувственно качая кудрявой головой, дескать, ничего не поделаешь. – У нас просто нет таких денег, – пояснил он. Я невольно представила себе фокус с дымом и зеркалами – пуф, и куча сбережений, куча учебников и куча кирпичей, сложенных в здание моего колледжа, – просто исчезли.

– Ладно, – машинально ответила я, и мой голос эхом отозвался внутри тела, которое, казалось, перестало быть моим. Я не задала ни единого вопроса. Когда я вспоминаю об этом, мне до боли хочется вернуться в прошлое, схватить себя, юную, за плечи и как следует встряхнуть. Все, что я знала о мире, проистекало из прочитанных мною книжек. Чего я не знала – так это того, что выход всегда есть, что всегда есть способ обойти, пролезть, перепрыгнуть и попасть внутрь, надо только поискать. Его слова стали для меня нерушимой горой, недвижимым фактом, крепко стоящим на поверхности земли; они казались такими же окончательными и бесповоротными, как если бы он сказал мне, что я никогда не попаду в рай. Снежные перья за окном вдруг превратились в косую метель.

«Ну конечно», – думала я, буквально краснея от собственной глупости. Не просто так мне не купили ни учебных принадлежностей, ни блокнотов, ни маркеров, ни пуфиков для комнаты в общежитии. Была причина, по которой у меня не было ни одного постера на стену с группой Kiss или репродукцией «Звездной ночи», или

хотя бы принта Фрэнсиса Бэкона с кричащим Папой Римским, в память о родном доме. Не случайно мама меняла тему, стоило мне заговорить об отъезде, который с каждым днем становился все ближе. Восточное побережье стало уходить под воду. Комнату заволокло жаром. «С чего я вообще поверила, что смогу поехать в колледж?» – думала я.

Тоже самое случилось с моей старшей сестрой, Кристиной, у которой было такое прекрасное сопрано, что его звучание можно было сравнить с ангельским песнопением. Она планировала учиться вокалу в университете Вашингтона в Сент-Луисе, но в последний момент забрала документы, по причинам туманным и необъяснимым. Что-то связанное с заявкой на получение гранта и неспособностью моей матери вовремя подать налоговую декларацию. Вероятно, ее вызвали на похожую беседу, и она приняла вердикт без возражений. Спустя год, который прошел быстро и довольно бестолково, она вышла замуж. Но даже после всего этого я почему-то не ожидала, что рано или поздно подобное случится и со мной.

Левая рука отца покоилась в зеленой пластиковой миске, полной домашних соленых огурцов – это были единственные овощи, которые он ел по своей воле. Чаша была таких гаргантюанских размеров, что в ней можно было крестить новорожденного слона. Он достал из нее прозрачный кружок, положил на язык и довольно захрустел. Напоминания о его сане окружали меня повсюду.

Какое-то время я еще посидела в его комнате, полной сверкающих гитар на подставках, леденцово-красных, елово-зеленых, озерно-голубых и графитно-черных. Они словно тихонько постанывали в повисшей тишине. Вскоре отец купит себе еще одну гитару, куда более дорогую, чем все предыдущие, леворукую, которую когда-то сделали для Пола Маккартни. Когда Пол решил, что она ему не нужна, отец отхватил ее себе на раз-два и потом показывал нам, лаская ее любящим, лоснящимся от удовольствия взглядом, которым обычно удостаивал только свои красочные, хорошо смазанные и послушные инструменты. Со временем я научилась получать отдельное художественное удовольствие от мысли, что высшее образование у меня, пусть и невольно, было украдено одним из битлов.

* * *

Я плыла по течению. Из отцовского прихода в Цинциннати оно вынесло меня к заброшенному монастырю по соседству. Из его окон открывался вид на завод по производству нефтепродуктов, за которым текла грязная, серо-буро-малиновая река Огайо. Послушницы монастыря давным-давно разбежались кто куда, и теперь это здание использовалось для церковных нужд; днем я пряталась наверху, читая книжки на старом футоне и слушая, как подсчитывают пожертвования. Но с заходом солнца, когда вокруг разливался янтарный свет, почему-то даже более яркий, чем дневной, я на цыпочках спускалась вниз и находила приют внутри живого, подвижного, дышащего текста, на страницах книги, которая беспрестанно писала сама себя: в интернете.

В комнате пахло канцеляркой. Стопки бумаги, арифмометры, стаканчики с ручками и складной стол, растянувшийся вдоль всей стены. По углам стояли узкие обветшалые книжные шкафы, которые частенько можно было встретить в разных церковных помещениях и которые никогда не видели «Джейн Эйр». Зато на их полках всегда можно было найти оловянный медальон Пресвятой Девы, покрытый таким же толстым слоем пыли, как забытая мелочь в обычных домах. Словом, сцена была до боли знакомой, но в ней появилось и нечто новое. Портал в углу, куда я могла протянуть руку и получить любую интересующую меня информацию.

Я садилась в компьютерное кресло, отталкивалась и крутилась в нем разок-другой: жест ребенка, дорвавшегося до внезапной и никем не ограниченной свободы. Из окошка я видела лужайку, за ней тротуар, за ним дорогу, потом железнодорожные пути, нефтяные цистерны, реку и штат Кентукки. Этот вид напоминал мне изнанку – страны, промышленности, Американского прогресса. И вся она была испещрена нитями старых видов коммуникации, старых способов преодоления расстояний. Я включала компьютер и прислушивалась, как оживали его вентиляторы, гудя и похрипывая. Монитор был таким большим, что в него с легкостью поместилась бы человеческая голова.

Я занесла руки над клавиатурой и открыла окошко почты. Сделала глубокий вдох и перешагнула пропасть между нами.

«Сегодня я написала стихотворение», – отправила я сообщение Джейсону – совершенно незнакомому парню, который жил в Форт-Коллинзе, штат Колорадо. Мы встретились случайно на форуме, посвященном поэзии, и с тех пор состояли в лихорадочной переписке. – «О том, как Билли Холлидей сделала себе аборт в горячей ванне».

«Я тоже сегодня написал стихотворение», – ответил он, не прошло и пяти минут, – «о великолепии и величии тетонов» [6 - Тетоны (также – лакота, тетон-сиу, равнинные сиу, западные сиу, лакота-сиу) – индейское племя на западе США.].

Как же круто получать электронные письма! Словно над тобой проносится призрак почтового голубя и доставляет письмо прямиком в голову – таким неожиданным, стремительным и пернатым кажется это чувство. Словно тебя вдруг переполняет белоснежный пар. А когда ты кладешь пальцы на клавиатуру, чтобы написать ответ, они до костяшек утопают в мягко стучащих бежевых клавишах – куда более приятных на ощупь, чем эти мини-кнопочки, которые появились потом, или сенсорные экраны, которые изобрели еще позже. История любого ухаживания – это история мимолетности, отживших транспортных средств, устаревших технологий. Визитки, каноэ, пейджеры. Шариковые ручки, телеграммы, кассеты с подборкой песен. Заказать композицию на радио. Мак-авто. Hotmail точка com.

«Пришли мне свое», – пишу я, и в этот момент мне приходит письмо от него – он тоже просит меня прислать свое.

Большая часть моих стихов была про русалок, которые теряют девственность с Иисусом (метафорически), а его – про роскошное величие каньонов, высохших рек и плоскогорий. Запад заразил его какой-то пейзажной манией: такие стихи мог бы писать мультяшный байкер, оставивший позади свою карьеру анархиста. Однако ему все же удалось придумать один хороший образ, который я помню до сих пор. Он написал: «Вдребезги бутылки с молоком точно перепуганные цыплята». Вам это может показаться безответственным – влюбиться в человека за единственный мощный образ лопающихся цыплят, но тогда было другое время. Я ведь даже не знала, как он выглядит. А у него сложилось ложное представление, будто я «пятидесятилетняя латиноамериканка». Мы были сотканы из слов.

От переписки мы перешли к телефону. Я лежала на спине, на монастырском полу, закинув на стену голые ноги и разговаривала с ним – тихо, чтобы не потревожить тени монахинь, которые, казалось, все еще сновали по комнатам в своих черно-белых облачениях. Сейчас я иногда удивляюсь, как я вообще могла спать там одна, но потом вспоминаю, что теми волшебными ночами я вообще не спала, мы все говорили, говорили и говорили. Иногда я все же вырубалась на

минутку и просыпалась от того, что мне казалось, будто за окном занимается ослепительный рассвет, взвиваются знамена, звучат горны, но нет, это был всего лишь очередной выброс радиации в здании через дорогу. И когда я просыпалась, на том конце все еще звучал его голос – или его молчание. А пару часов спустя или около того, где-то в глубине долины раздавался рев и грохот поезда, и те, кто мог свалить из этой глуши, неслись отсюда на всех парусах.

У нас с Джейсоном было кое-что общее. Его отец был баптистским проповедником, который обратился после того, как ему приснилось, будто он летит на самолете над извергающимися вулканами. В какой-то момент перед ним поднялась стена огня, и тогда он открыл дверь самолета и выпрыгнул. А когда почувствовал, что не летит камнем к земле, а парит, он поднял голову и увидел, что его за руки держит Иисус и использует свое священное тело, чтобы спустить его обратно на землю как на парашюте. Очень баптистский сон, надо сказать. Католические сны до самолетов пока не добрались. Чтобы католик обратился во сне, ему должна присниться средневековая тюрьма, или рабское судно времен Бен-Гура, или какой-нибудь зловещий сарай, залитый кроваво-красным светом.

Обратившись, его отец пошел в Библейскую школу и стал миссионером в Юго-Восточной Азии. Это привело к тому, что Джейсон родился на свет в Таиланде – в колыбели цветочных брызг и прозрачной воды, обласканный теплым бризом и всеми оттенками радуги. Это было похоже на жизнь в сердце сочного фрукта. Ему там нравилось. Он бегал в подгузнике и без рубашки, чем вызывал большое любопытство тайских малышей, которые бегали в рубашках, но без подгузников. Родился он в один день с королем, и каждый год смотрел в этот день парад слонов, и каждый год родители убеждали Джейсона, что этот парад – в его, Джейсона, честь. Узнав правду, он навсегда закрыл свое сердце для королей. Он сжал свой маленький кулачок, в гневе погрозил им небесам и твердо решил, что больше не признает власть ни одного человека на земле.

В католицизме, как он сразу понял, королей было больше, чем он когда-либо смог бы запомнить.

– Чему тебя научили эти люди? – озадаченно спросил он меня однажды ночью. – В чем вообще суть католицизма?

К этому вопросу я готовилась всю жизнь.

– Ну, во?первых, кровь. КРОВИЩА. Во-вторых, терновые венцы с шипами. В-третьих, не забывай мазать физиономию грязью – вот прямо сейчас зачерпни от души и шмякни себе на лоб. В-четвертых, Мартин Лютер – свинья в пальто. Ну и в?пятых, Иисус жив, но мертв, но бессмертен, но еще соткан из облаков, и лик его – картина безбрежного покоя, а когда ты ругаешься, ты причиняешь ему такие страдания, что он становится похож на тех типов из рекламы обезболивающих. Он так нежен, что овечки рядом с ним – конченные маньяки и психопаты, но в то же время его лицо источает такой мощный свет, что может убить. И убивает, кстати. И тебя однажды убьет. У него татуировка в виде маргаритки на пояснице и каждые восемь недель ему делают химическую завивку. Носит он струящееся белое одеяние, но лишь потому, что в те дни люди не знали о джинсах. Он поднимает два пальца, потому что отец не разрешает ему носить пистолет. И если бы он жил на земле, он водил бы белый грузовичок и на бампере у него был бы стикер – большой Кельвин [7 - Популярный персонаж комикса «Кельвин и Хоббс» художника Билла Уоттерсона, которого часто изображают на футболках.] писает на маленького Кельвина за то, что тот не католик.

Джейсон был в шоке.

– Шипы? – шепотом переспросил он. – Но это же самая опасная часть розы!

Но в основном мы говорили о том, что нам нравилось. Все, что мы любили, слушали, читали, распускалось за нашими спинами, как павлиний хвост или, видимо, как веер молочных брызг от лопнувших цыплят. Мы вылепили друг друга из этих бесед, и уже не имело значения, где находятся наши руки, губы или головы. Наши ноги бродили по длинным спискам того, что мы любили, что узнали, без чего не мыслили жизни.

Писателям нравится ощущение собственной бестелесности. Когда люди на двоих успели пожить в двадцати разных городах по всему миру, они ни одно место не воспринимают как родной дом. И пока мы с ним разговаривали, будущее все больше приобретало ясные очертания. Он сказал, что поедет в Огайо – встретиться со мной. А после я вернусь с ним в Колорадо. Я уже как-то была в Колорадо, в местечке, которое называлось Чистилищем, и теперь была

намерена увидеть все остальное. Сама не знаю, почему все произошло так стремительно, опрометчиво и даже экстремально, но ничто иное попросту не сработало бы. Словно мы в конце прогулки вдруг очутились перед утесом, и теперь оставалось лишь прыгнуть.

Вы наверняка хотите спросить – обдумала ли я тогда все как следует? Нелепый вопрос. Я никогда и ничего по-настоящему не обдумывала, за исключением разве что «Анекдота с банкой» Уоллеса Стивенса – стихотворения, в котором описывается, как пейзаж штата Теннесси пытается забраться в банку. Скажете, у нас были не все дома? Нам просто было девятнадцать.

Ясное дело – если бы я сказала родителям, что планирую уехать в Колорадо вместе с типом, которого никогда в глаза не видела, они бы точно нашли способ этому помешать. Поэтому я решила начать с простого и сказать им, что собираюсь встретиться с парнем, с которым познакомилась в интернете. Но даже это нужно было преподносить осторожно. На дворе был 2002 год и все верили, что интернет – это некая отдельная страна, где живут одни маньяки.

– Он с форума, где сидят поэты, – заверяла я, – там все постоянно дискутируют о сонетах и смысле окончаний.

Но кажется, мне не удалось до них достучаться.

– Да кто знает, что может сделать какой-то придурок из интернета, – прошипела в ответ моя матушка, и прозвучало это почти как философский коан [8 - Коан – явление, специфическое для дзэн-буддизма (в особенности для школы Риндзай). Цель коана – дать ученику определенный психологический импульс для достижения просветления или понимания сути учения.]. И правда, ну кто НА САМОМ ДЕЛЕ знает, на что способны придурки. Мог же Господь создать такого большого придурка, что и сам в итоге не знал, на что будет способно его создание?

– Триша, я собирал компьютеры, – говорил отец. – Я собирал их вот этими самыми руками, так что знаю, о чем говорю, эти типы, которые выходят в интернет…

– Все, что им нужно – это вирт! – встряла мать. – Они тебе какую угодно лапшу на уши навешают, что угодно пообещают, если будут знать, что им можно будет повиртуалить!

Я на мгновение задумалась над тем, что моя матушка подразумевает под этим «виртуалингом». Хакеров в черных перчатках, которые надрачивают друг другу в космосе, в окружении струящихся по воздуху столбцов светящихся зеленых цифр?

– Он тебе скажет, что живет в Тусоне, а на самом деле – в Питтсбурге! Скажет, что его зовут Джек, а на самом деле он Дэйв!

– А потом возьмет, да и прикончит тебя! – припечатала матушка. В ее глазах это, похоже, был некий прыжок абсолютной логики. – Кокнет безо всяких раздумий, а мы потом будем в газетах читать, где да как твое тело нашли!

– Да, пчелка моя, это страшная паутина, настоящая сеть! – вздохнул отец, качая головой. – «Не ведаем, какую сеть себе плетем» [9 - Цитата из романа Вальтера Скотта «Мармион».].

Мы стояли треугольником в гостиной пасторского дома прихода Святого Винсента де Поля, и дом этот был такой древний, каменный и просторный, что в его честь буквально назвали станцию метро. В нескольких шагах вилась лентой река – можно переплыть, можно утонуть. А в самом доме, по слухам, было немало тайных ходов, но нам с братьями и сестрами явно не хватало мозгов, чтобы их найти. Драматизм и напряженность сцены несколько подрывало мамино дизайнерское решение в виде ваз с золотыми шарами. Но мы честно отыгрывали свои роли: мой отец время от времени хватал кулаком по столу с очень патриархальным видом, а матушка старательно-беспомощно отворачивалась к окну, что тоже способствовало общему впечатлению, будто все мы играем в пьесе Теннесси Уильямса, в которой слово «интернет» было своего рода заменой «гомосексуальности».

– Почему я должна доверять интернету? – вопрошала матушка. – Он проник в наш дом, а я даже не знаю, как!

– Так же, как и электричество, – заметила я.

– Оно тоже, знаешь ли, в свое время поджарило немало детишек! – многозначительно парировала она. – Сунешь пальцы не в ту дырку – вот тебе и последствия!

– Твоя мама пытается сказать, – перебил ее отец, – что если ты сунешься туда, с тобой может случиться все, что угодно – буквально все!

Мое сердце раскрылось, как парашют – мне казалось, если я посмотрю наверх, то увижу Иисуса, уносящего меня вдаль. Интересно, зачем еще, по их мнению, я бы туда сунулась?

И только мою младшую сестру Мэри, которая во время этого разговора гоняла по комнате футбольный мяч, казалось, все это нисколечко не беспокоило.

– Да это у нас не все дома, а не у них, – бросила она, походя, сверкая щитками на голенях. – Насколько ужасным может быть человек, которого зовут Джейсон?

– Да уж, это ему стоит опасаться, что я его убью, – добавила я, пытаясь их хоть как-то успокоить. – Причем он бы даже не заметил, я бы просто подождала, пока он уснет…

– Я растила тебя не для того, чтобы ты убивала людей! – отрезала матушка. – А вот другие родители…

– Он из Колорадо, мам. Люди из Колорадо только и делают, что накуриваются, думают про горы да пытаются почувствовать, как у них дреды растут.

– Только через мой труп ты будешь общаться с этим дредастым! – воскликнула мать. – Ты прекрасно знаешь, как я к этому отношусь, не зря люди с дредами похожи на пугала!

– Это подрыв семейных ценностей! – рявкнул мой отец ни с того ни с сего – подозреваю, что на самом деле он нас даже не слушал – и скрылся на втором этаже. Наверное, отправился наглаживать свою коллекцию оружия, втайне попивая сливочный ликер – так он обычно справлялся с горем. Я же побежала обратно в монастырь и принялась собирать свои скромные пожитки, которые

включали восемь свитеров унисекс, две пары спадающих джинсов, набор бессмертных рукописей, которые, впрочем, давно уже отправились на тот свет, подборку электронной музыки, которая звучала как зарождение какой-то роборелигии, четыре сотни книг, без которых я просто не представляла себе жизни. Ну и дезодорант.

Некогда монашки коротали свои дни в этих стенах, ожидая пришествия человека, который их спасет. В то утро, когда должен был приехать Джейсон, я проснулась очень рано, приняла душ, оделась, села, скрестив ноги на неудобном диване и присоединилась к их ожиданию. Сквозь утробный гул нефтяных цистерн донесся шорох шин автомобиля, который поднимался по крутому склону к парковке. Я собралась, взяла себя в руки и вышла Джейсону на встречу. Он вынырнул из своей темно-зеленой «Меркьюри Мистик» – машины, перед которой не может устоять НИ ОДНА дама, – и смущенно помахал мне в знак приветствия. В его лице было нечто такое, что казалось, будто этот человек не сможет выглядеть злым. Просто сами его черты не сложатся в сердитое выражение. У него были маленькие, аккуратные, безукоризненные уши – прямо как у плюшевого мишки. На ходу он расправил свои длинные руки и ноги, выпрямился и, подойдя к нижней ступеньке, стройный и легкий, как мелодичный колокольчик, взял меня за руку.

– Ты прямо как из моего сна! – ахнул он вместо приветствия. Оказалось, я снилась ему год назад, когда он снимал квартиру с видом на море в Санкт-Петербурге, штат Флорида. – Ты была ведьмой или колдуньей, очень-очень красивой, но в то же время очень коварной. Твое лицо не выходило у меня из головы.

Иначе наш роман и не мог начаться.

Мой отец, который всегда шестым чувством улавливал, что чужая машина въехала на его собственность, будто в замедленной съемке вывалился из дверей приходского дома и заковылял к нам со всей скоростью, на которую был способен.

– Ну-ка права покажи! – крикнул он Джейсону. – У меня есть связи в полиции!

Джейсон учтиво протянул ему свои права и отец унес их в дом – не то проверить, не то просто зловеще постоять с ними у окна, наблюдая за нами из-за золотых

занавесок.

– У тебя были судимости? – спросила я его. Раньше я как-то не догадалась задать этот вопрос. Сама я не украла в жизни ни одной губной помады и ни разу не проехала знак «стоп», поэтому только теперь осознала, что почти ничего не знаю о нем самом – только о его чувствах.

– Нет, – он склонил голову набок, – но однажды, когда мне было пятнадцать, ко мне домой вломилось ФБР – они решили, что я какой-то гениальный хакер.

Мне представились черные кожаные перчатки, столбцы зеленых цифр и слово «виртуалинг», сказанное голосом матери.

– Ты был гениальным хакером?

– Нет, им был один из моих друзей. Он крал данные кредитных карт и покупал альпинистское снаряжение. А когда его поймали, он назвался моим именем.

– Это самое Колорадское преступление, о котором я когда-либо слышала.

– Он теперь работает в MIT [10 - Массачусетский технологический институт – университет и исследовательский центр, расположенный в Кембридже, штат Массачусетс, США. Также известен как Массачусетский институт технологий и Массачусетский технологический университет. Одно из самых престижных технических учебных заведений США и мира.]. Но мой компьютер они все равно забрали и обыскали вдоль и поперек, но нашли только кучу сайтов с аккордами для гитары.

– Вот ужас-то!

– Ну да, когда они вломились с криком «МЫ ЗНАЕМ, ЧЕМ ТЫ ТУТ ЗАНИМАЕШЬСЯ!», я подумал: «Ну, блин, теперь ФБРовцы знают, что я уже третий месяц не могу разучить аккорды «Амэрикэн Пай» [11 - «American Pie» – фолк-роковая песня, написанная американским автором-исполнителем Доном Маклином для одноименного альбома в 1971 году.].

Через двадцать минут отец вернулся и вручил Джейсону права, сообщив, что он чист. С минуту мы потоптались на месте, глядя друг на друга. Я спросила у отца, можно ли нам с Джейсоном прокатиться, и тот сдержанно позволил, но сказал, что мы должны вернуться через час – нас ждал семейный совет. Будь мы настоящими бунтарями, тут же свалили бы из города, но наши «семейные советы» были таким захватывающим зрелищем, что я подумала – пожалуй, стоит позволить Джейсону поприсутствовать на одном из них, прежде чем он свяжет себя со мной вечными узами. Отец развернулся на каблуках – ему уже давно не давало покоя ахиллово сухожилие – и оставил нас наедине.

– Пойдем, я покажу тебе монастырь, – предложила я не то чтобы смущаясь, но чувствуя себя по-новому.

Вид монастыря, похоже, его немного смутил.

– Я думал, он похож на монастырь из фильма «Действуй, сестра!», – сказал он, прищурившись. – Что монашки тут днем поют, а по ночам устраивают девичники. А это дом как дом.

Возможно, именно этот мысленный образ монастыря, рвущегося в небеса своими башнями и гаргульями, вынудил его думать, что меня тут держат взаперти и не позволяют выйти на улицу, хотя я лично никогда не говорила ему ничего подобного. Мы на цыпочках поднялись наверх, в мою маленькую спартанскую комнатенку. Когда мы поцеловались, казалось, будто столкнулись две птичьи клетки – наверное, потому что мы постоянно цокались зубами. Мы тихо посмеялись друг другу в губы и снова выбрались из дома – пройтись по округе. Заговор накрыл нас как зонт – непроницаемый, большой, как раз для двоих.

* * *

Час спустя мы собрались в гостиной. Отец сидел в парчовом кресле, украшенном такой богатой вышивкой, что оно сделало бы честь и Королю-Солнцу. Ради такого случая он принял свою самую величественную и внушающую страх позу и так широко раздвинул ноги, что между ними поместились бы врата в другое измерение. Бессознательно, Джейсон сел в ту же позу. Если бы кто поглядел на ситуацию с высоты птичьего полета, наверняка бы решил, что у них

соревнование по приседанию.

Мы с мамой разместились на диване, прижавшись друг к дружке мягкими плечами, и наблюдали за допросом. Моя матушка питала особое доверие к высоким мужчинам, а в Джейсоне было добрых шесть футов, плюс два дюйма густых волос, как у типичного миллениала, так что она больше не думала, что он может оказаться убийцей.

– Он кажется таким… спокойным, – вполголоса сказала она. – Может, даже слишком спокойным.

И в самом деле, его глаза напоминали лотерейные шарики, плавающие в потоках воздуха, а сам он источал странную умиротворенность трипующей психоактивной жабы. Никаких лишний движений, дыхание, похожее на спокойные волны музыки в стиле нью-эйдж. Он напоминал генератор покоя, покрывавший все в радиусе шести футов вокруг. Никогда еще я не была настолько заинтригована.

– Может, он болен, тебе так не кажется? – спросила меня мама, и мы с ней дружно повернулись в его сторону. Отец спрашивал Джейсона, чем он собирается заниматься по жизни, а тот, судя по виду отца, говорил, что он – царь ящериц, каждую ночь спит в пирамиде, а в свободное время медитирует, подсчитывая крупинки песка во Вселенной.

– Наверное, ему просто стоит выпить холодного чая, – сказала я.

– А еще лучше поесть как следует, – добавила мама, убежденная в том, что если натолкать людей едой под завязку, у них отпадет всякое желание ругаться. – Давайте пойдем в «Дон Пабло», там и поговорим. Можем перенести наш семейный совет туда.

«Дон Пабло» был псевдомексиканским ресторанчиком, который страшно гордился своей суперострой едой. Зачем есть чуть-чуть остренькое блюдо, если может сделать такое, от которого у вас во рту откроется геенна огненная, полная орущих грешников?

– Грэг? Не хочешь пойти в «Дон Пабло»?

От такого предложения папино лицо просияло, но тут же вновь насторожилось. А вдруг мама коварством и едой пытается убедить его принять этого засранца под свою крышу? Ну нет, женщина, не на того напала.

– Тогда позвольте я… приготовлюсь… к ужину, – хитро бросил он и ушел, а когда вновь спустился по лестнице, мы увидели, что из его штанов торчит пистолет.

Мы сели в машину и поехали по Ривер-роуд.

– Пристегни-ка ремень, Грэг, – машинально бросила мама – очередная граната в войне, которая тянулась на протяжении всего их брака. Папа в жизни ни разу добровольно не пристегнул ремень безопасности. Сама идея «безопасности» казалась ему нелепой. Зачем ему такие предосторожности, он что, девчонка сопливая? Или хрупкая дамочка? А может, он беременный? А вот взять хотя бы Джона Уэйна, Клинта Иствуда и могучего волосатого Самсона из Библии – они навряд ли пристегивались ремнями безопасности. А если бы и пришлось, то они скорее оторвали бы чью-то руку и ею бы пристегнулись.

– Нет! – рявкнул он. Как и всякий человек, любящий себя побаловать и жадный до разного рода удовольствий, он обожал исторгать громогласное «Нет!» в ответ на просьбы других людей.

– Но если мы попадем в аварию, ты вылетишь лбом в окно и на завтра твои дети проснутся сиротами!

– Ну это уже будут не мои проблемы, – негромко усмехнулся он.

«Это будут не мои проблемы» – одна из его любимых искрометных фразочек наравне с «Что это значит, бледнолицый?» Он сыпал ими примерно дюжину раз на дню по самым разными поводам, и они никогда не теряли своей свежести.

Он выждал минутку, смакуя свою победу в битве из-за ремня безопасности, а затем вдруг обернулся и пронзил взглядом Джейсона.

– Выкинешь в «Дон Пабло» какой фортель – и будешь иметь дело со мной! – рявкнул он и похлопал по пистолету. Не знаю, почему именно в тот момент я

решила сообщить ему о наших истинных намерениях. Возможно, мной двигал тот же инстинкт, который однажды подбил меня швырнуть зажженную петарду прямо в лицо моей сестре Мэри и крикнуть: «С ДОРОГИ!» Это не черт за язык дернул, нет. Это скорее был неконтролируемый панический импульс.

Я спросила свое тело, хватит ли ему храбрости. Ответ был «нет», но я все равно решилась. Набрала полную грудь воздуха, выпрямилась на сидении.

– Мама, папа, я должна вам кое-что сказать. Я уезжаю в Колорадо вместе с Джейсоном.

– ДА НИ ЗА ЧТО! – громыхнул отец, громче, чем когда бы то ни было. Причин не пускать меня было столько, что и не сосчитать. Для начала, там же сплошь одни хиппи! Мать молчала. Только на мгновение смежила веки – должно быть ей было видение, как через десять лет Колорадо легализует марихуану.

– Колорадо? – повторила она. – Но где вы будете жить?

– А, ну с моими соседями, – ответил Джейсон, – у нас дом в Форт-Коллинзе.

Единственное, что я знала про этих ребят – так это то, что они жарили стейки каждый день и играли в ужасной группе под названием «Бачок унитаза». Они перебрали целую кучу разных названий, но в итоге все сошлись на мнении, что «Бачок» – самое лучшее, прямо то, что надо. А поскольку мы только-только вышли из золотой эры великих туалетных групп, меня такое название нисколечко не смутило. Если бы отец узнал о том, что они каждый день жарят стейки – моментально переметнулся бы на их сторону, признав их благородными и приятными мужчинами, прямо-таки с пылу с жару из пещеры. Но он не дал мне возможности рассказать ему об этом.

– Никуда ты не поедешь! – возмущался он. – В мое время люди женились, а не ехали через полстраны, чтобы жить во грехе!

– А! – включился Джейсон, заметив лазейку. – Об этом не волнуйтесь, Мистер… Отец.

Я на секунду испугалась, что он сейчас запаникует и назовет его «Ваше Святейшество».

– Если вас это беспокоит, то знайте, что я уже сделал предложение вашей дочери. На парковке у продуктового.

– У «Крогера», – вставила я, так как это был самый семейный и приличный из всех продуктовых в округе.

И кстати – мы не солгали.

Когда мы катались по округе в течение отведенного нам часа, Джейсона вдруг настигла длань неминуемой судьбы, и он свернул на ближайшую парковку. Скрючил свои шесть футов на коврике у водительского сиденья в попытке встать на одно колено, уставился на меня, как влюбленный Квазимодо, и предложил выйти за него замуж.

Эта информация должна была повлиять на родителей и вынудить их принять мое решение, но почему-то не повлияла.

– Разворачивай этот драндулет! – взревел отец теперь уже на мать, стреляя словами, как из пулемета. – Если мы сейчас приедем в «Дон Пабло», я не знаю, что сделаю!

Наверное, для начала он убил бы самого Дона Пабло – просто чтобы дать выход чувствам.

Мама развернула машину.

После такого нам троим не очень-то хотелось есть, но мы все равно пошли в ресторан. «Дон Пабло» располагался в большой переоборудованной фабрике, поэтому смутно напоминал ночной клуб, и у людей, приходивших туда, складывалось совершенно ложное представление о Мексике. Искусственный кактус в углу беспомощно тянул вверх свои хилые ручки – будто и его мой отец держал на прицеле пушки. Матушка еще не дошла до того состояния, в котором коктейль «Маргарита» кажется ей универсальным лекарством от стресса и

невзгод, поэтому выпила так много мексиканского чая со льдом, что к тому моменту, как нам принесли еду, превратилась в ходячий маракас. Джейсон в ужасе пялился на свою фахиту с говядиной, которая еще совсем недавно скакала по равнинам Запада, прекрасна и горда.

* * *

Позже, когда мы вернулись домой, отец надел свои самые прозрачные боксеры, чтобы показать нам, как он зол. И налил себе ирландский сливочный ликер «Бейлис» в крошечный хрустальный бокальчик, чтобы мы поняли, что у него разбито сердце.

Не могу не упомянуть о том, какими крошечными глоточками он его цедил! Отец напоминал гигантского домового, пьющего капли росы. Он собирал губы в куриную попку и с громким «с-с-с-сюп» вбирал в рот самую маленькую капельку «Бейлиса», какую только можно себе представить. Слава Богу, Грэг Локвуд никогда не был пьяницей, хотя на своем собственном мальчишнике наклюкался так, что на следующий день чуть не заснул, стоя у алтаря в своей матросской форме, прямо посреди церемонии венчания. Возможно, это стало для него уроком.

Я вовсе не пытаюсь преуменьшить его шок. Он сразу понял то, что до меня тогда еще не дошло: я собиралась сбежать из дома. Я никогда не проявляла особого интереса к драме, так что мне лишь предстояло узнать, что я сама стала ее участницей: что вскоре я увижу стремительное развитие сюжета, несколько неожиданных поворотов и наконец кульминацию. Что будет конфликт, и месть, и развязка. И самое главное – я пойму, что я и есть та сила, которая толкает действие вперед. Это не пейзаж проносился мимо, это я неслась вперед, не разбирая дороги.

Джейсон поднялся по главной лестнице – решил с ним поговорить. Отца он нашел сидящим в тишине, практически голышом, в окружении разобранного оружия – тот напоминал немного спятившего боевика. Все это произошло как раз в разгар папиного увлечения оружием, когда он заставлял всю семью ходить в тир и соревноваться друг с дружкой в меткости. И всякий раз, когда он сталкивался с неприятными ему людьми, он принимался демонстративно чистить оружие у них на глазах. Одна часть меня находила эту привычку просто ужасной, но другая уважала его склонность к возвышенному драматизму. Если

хочешь отпугнуть какого-то слизняка из интернета, который пытается моногамно покуситься на твою дочь, что может быть лучше, чем заманить его в свою комнату и собрать у него под носом смертоносный пазл?

– Твой отец явно переборщил с ликером, – шепнул мне Джейсон, когда вернулся назад. – И ликер очевидно ударил ему в голову. Как думаешь, он не попытается меня пристрелить?

– А ты случайно не упоминал при нем, что ты пацифист, интеллигент или что тебе нравится абстрактное искусство?

– Хм-м-м-м… Вроде бы нет.

Какое вкусное у него получилось «хм-м» – как будто он смаковал сам акт размышления и находил его просто восхитительным. Плохой знак. Если он и перед отцом выкидывал такие вот «хм-м», тот, скорее всего, уже передергивает затвор. Мы решили смыться этой же ночью – так, чисто на всякий случай.

Мы уже возвращались к монастырю рука об руку, когда солнце начало подрумянивать закатные облака.

– О боже, – вздрогнул Джейсон, увидев нашу реку, – выглядит так, будто именно здесь изобрели грязь.

– Если присмотреться, можно разглядеть трехглазых рыбок, – кивнула я. Если к шестидесяти у меня в голове образуется опухоль, мы оба будем знать, почему. Жизнь в окружении прекрасного пейзажа – такая же роскошь, как полки, забитые книгами, уроки музыки и поездки в музеи по выходным. Это бескрайние зеленые лужайки банкнот.

Солнце далеко на западе напоминало зловещую жемчужину. Лысоватый хилый лесок, окружавший монастырь, до крови расчесал небо своими корявыми ветками. Мой пейзаж тоже был ничего – но от такой красоты обычно рождаются мутанты. Мне снова вспомнились слова сестры: «Да это у нас не все дома. Если парня назвали Джейсон, он скорее всего в полном порядке».

Он насвистывал что-то, и свист у него получался объемным и тягучим – как пение скрипки. Глубина и простор жили в Джейсоне, как во мне жил мой монастырь. Перед его взглядом будто простирались далекие дали. Он посмотрел на тупые квадратные тела нефтяных цистерн и снова повернулся ко мне:

– Они похожи на холмы.

– Ты действительно решила уехать? – спросила мама. Машина была уже забита под завязку, а отца все не было. Мама протянула руку в окно пассажирского сидения и сунула мне в руку деньги. Насколько я понимаю, моя мать принадлежит к числу тех женщин, которые всегда пытаются всучить тебе денежку. Окончательность и бесповоротность моего решения, похоже, в конце концов перетянули ее на мою сторону.

Я сказала ей, что да, действительно. Как же хорошо у меня выходят концовки, подумала тогда я. Всякий раз удается как-нибудь эдак закрутить – хитро и неожиданно. Годные концовки выскакивали из-под кончика моего карандаша, как букеты – из рукава фокусника. Чистая магия! Шелк, дым и зеркала. Ни одна из них не была выстраданной.

– Пожалуйста, будь осторожна, – сказала мама, и уголки ее рта опустились вниз, прямо как у клоуна, известного на весь мир способностью превращать свое лицо в маску человеческой трагедии. Матушка знала обо мне все самое важное. Что я предпочитаю есть маленькой столовой ложкой, а не обычной. Что я мастерски нахожу всякие вещицы на улице, потому что всегда хожу, приклеившись взглядом к земле под ногами. Что я хотела стать волшебницей, жить в скорлупе и играть на золотой арфе. Что я построила у себя в голове дом где-то далеко-далеко отсюда. И при этом мне все равно казалось неправдоподобным, что это она и ее страдания произвели меня на свет.

Я чувствовала, что со мной все будет хорошо. Там мне будет лучше. Там я стану свободной.

– Все взяли? Уверены? – спросила она, когда Джейсон завел мотор. Он улыбнулся и кивнул на стопки моих книг, громоздящиеся на заднем сидении. Мы проехали мимо биллборда, на котором было написано «Господь отвечает лишь на те сообщения, которые Ему отправляют, стоя на коленях», и поехали прочь – от

церкви, приходского дома, монастыря, моей душной комнатки наверху, от непонятно как, зачем и откуда взявшейся 400-килограммовой фигуры гориллы во дворе у соседей. Все привычное стремительно уменьшалось в зеркале заднего вида – и я провожала это взглядом. Одна за другой на небе зажигались

2. Низина

После того, как мы поженились – а женил нас мой отец, в той же церкви, в которой обвенчались мои родители, – мы переезжали из города в город, не зная покоя и нигде не задерживаясь надолго. Мы словно чертили на карте красную линию и никак не могли остановиться. В детстве моя семья так часто переезжала, что это не казалось мне чем-то странным. Вообще-то, глубокое убеждение в том, что человек каждые несколько лет должен запихивать все свое имущество в коробку и тащиться в новый штат, казалось мне единственным сходством между моим мужем и отцом. Мы жили в Хевроне, штат Кентукки, неподалеку от того места, где недавно начали строить Музей Творения, полный обезьяноподобных манекенов Мафусаила и Моисея, удивительным образом сочетающихся с благородными трицератопсами. Мы жили в Кине, штат Нью-Гэмпшир, где по старинной Главной улице туда-сюда гоняли машины с номерными знаками «Халява или смерть». Жили в Колорадо-Спрингс, где из окна моего кабинета открывался вид на кварцевую вершину Пайкс-Пик. В Стюарте, штат Флорида, который весьма неубедительно претендовал на звание Мировой Столицы Парусников. И вот оказались в Саванне, штат Джорджия – первом месте, где я наконец почувствовала себя как дома.

Место напоминало эволюционировавший подводный город, который хоть и вышел из воды, но все равно продолжал жить среди плавно колышущихся водорослей. По его улицам плавали величественные русалки-южане. Солнечные лучи струились с небес белокурыми локонами. Брусчатку здесь делали из бывшего корабельного балласта, на каждой кованной калитке красовался железный ананас, а сам городок славился красивыми кладбищами. Через дорогу от нас располагался собор Святого Иоанна Крестителя, и я удивилась, обнаружив, что мои старые чувства никуда и не делись: они возникали всякий раз, когда я видела епископа.

В какой-то момент вокруг собора вдруг вырос еще один – из строительных лесов. Во время обеда строители сидели с пакетами на коленях и покачивали ногами в воздухе. Никто толком не понимал, чем они там занимаются, и казалось, будто эта стройка будет длиться вечно. Дом Фланнери О’Коннор [12 - Фланнери О’Коннор – писательница Юга США, представительница жанра южной готики.], стоявший по соседству, днями напролет не спускал с них подозрительного взгляда. Она выросла в этом доме. У нее были ясные, как ключевая вода, глаза и мягкий подбородок. Она была без ума от истории про пятерняшек Дион [13 - Пятерняшки Дион – первые известные пятерняшки, пережившие младенчество. Через четыре месяца после рождения их передали на воспитание Красному Кресту. Правительство провинции Онтарио начало зарабатывать на близняшках, сделав их туристической достопримечательностью.]. У нее была курица, которую она научила ходить задом наперед. По стене ее дома вились виноградные лозы, усыпанные мелкими листочками, похожие на каллиграфическое витиеватое письмо – со временем ее почерк станет именно таким. А когда она вырастет – то уедет. И заведет павлинов. Ее помада будет вечно не того цвета, зато тушь всегда безупречно черной. Море отступило от городка давным-давно, но по-прежнему жило в нем незримой силой, наполняя его солью и почти религиозным спокойствием. Море чувствовалось здесь даже в воздухе – до сих пор. И над всем этим, во времени и в вечности, плыл прекрасный глас колоколов.

Во Флориде я работала официанткой в закусочной в морском стиле, где на стенах висели старомодные, грубые рыбацкие сети и запутанные буи и где формой служили кричащие тропические рубашки, в которых я была похожа на незаконнорожденную дочь Джимми Баффета. Владельцем был привлекательный, крепко сбитый грек с зачесанными назад черными волосами и странным фетишем – размазывать пироги по женским лицам. Сам он, наверное, даже не догадывался, что это фетиш, потому что наотрез отказывался пользоваться интернетом. «Там же порно!» – говорил он, испепеляя собеседников взглядом, когда эта тема всплывала в разговоре. – «Это омерзительно». Всякий раз, когда поток клиентов начинал иссякать, он оказывался у холодильника с десертами и кокетливо протягивал мне пирог, с надеждой поигрывая бровями. Когда мое первое стихотворение появилось в «The New Yorker» [14 - The New Yorker – американский еженедельник, публикующий репортажи, комментарии, критику, эссе, художественные произведения, сатиру и юмор, комиксы и поэзию.], каким-то чудом выделившись из кучи присланных рукописей, я принесла номер на работу и всю смену наблюдала за тем, как мой босс ломал над ним голову с видом человека, который пытается понять, в чем соль магического трюка. В мой последний

рабочий день он спросил, можно ли окунуть меня лицом в пирог, но тут кто-то заказал кусок от этого пирога, и его мечта разбилась вдребезги.

Мне частенько вспоминались эти дни стабильной, честной работы, когда я лениво писала в нашей огромной квартире в центре Саванны, в здании, построенном где-то в конце Гражданской войны. По комнате гуляло эхо, потому что мы не могли позволить себе мебель, и тяжелым подолом волочилось вслед за нашими голосами. Окна преломляли солнечный свет как призмы, разбрызгивая его по полу ясными, яркими пятнами. Я решила пока не устраиваться на работу и сосредоточиться на сборнике, который писала в тот момент, на стихотворениях, которые раскрывали самые интересные и в то же время самые закрытые для меня темы: секс, гендер, половое созревание животных, причудливые фетиши, Средний Запад и сможет ли покрытое серебристой чешуей Лохнесское чудовище наконец покинуть свое далекое озеро и получить высшее образование. Я никогда не была до конца уверена, имела ли я на самом деле право так долго не работать или это просто была единственная доступная мне форма бунта. Моя пламенная уверенность в том, что я родилась на свет писать книги, так хорошо сочеталась с убеждением Джейсона, что ему суждено стать кем-то вроде Леонарда Вулфа и привнести в этот мир женское мышление, что наши стесненные жизненные обстоятельства мы воспринимали как нечто предопределенное.

Тогда я впервые в жизни не чувствовала себя одинокой в своих амбициях. Мимо нашего дома то и дело с цоканьем пробегали угрюмые лошадки в специальных подгузниках, тащившие в экипажах милых добродушных туристов – лучшей метафоры для писательства и не придумать. Одна из моих подруг работала в местном художественном колледже, где днями напролет должна была заниматься чем-то вроде придумывания синонимов к слову «брызги», а другая пять лет писала роман о гагарах, что, по моему мнению, абсолютный максимум времени, которое человек может потратить на гагар, хотя, возможно, это был настоящий шедевр. Чуть дальше по улице жили поэты, устраивавшие поэтические чтения – каждый месяц мы собирались вместе, напивались дешевым виски, слушали, как поэты-путешественники читают свои сочинения, а затем плечом к плечу возвращались домой, покачиваясь, как трава на ветру. Иногда по утрам после этих чтений, наевшись с похмелья яиц и салями в закусочной по соседству, мы отправлялись на кладбище Бонавентура рядом с островами – поговаривали, что там жили призраки. Не знаю, правда ли это место назвали в честь Святого Бонавентуры или нет, но вообще это было бы уместно, ведь по легенде он продолжал писать свои мемуары даже после смерти. Единственная сохранившаяся после него реликвия – это рука, которой он писал.

Есть в этом что-то божественное – убить человека и заставить его руку продолжать писать книги.

Там же был похоронен поэт Конрад Эйкен, который однажды сказал: «Поэты отвратительны. Особенно когда сбиваются в крупные стаи». На мой взгляд – чистая клевета. До того, как я встретила других поэтов, я беспокоилась, что они даже в обычном разговоре постоянно употребляют слово «мол» и заставляют тебя играть в дурацкую игру, где каждый участник должен нарисовать часть тела и никому не показывать, а потом все складывают свои рисунки вместе. Но я ошиблась. Все эти поэты оказались совершенно нормальными людьми – даже помнили наизусть номера своих телефонов. Я впервые в жизни попала в «стаю» и была вполне счастлива оказаться среди других жвачных животных.

Но в остальные дни я старалась держаться особняком. Мне нравилось ходить к реке, в воде которой плескались новые идеи, яркие, как рыбья чешуя. Будь у меня пара монет в кармане, я бы покупала себе кофе и багет и каталась на пароме туда-сюда, как Эдна Сент-Винсент Миллей, а спустя какое-то время шла домой, окруженная туманом неги и созерцания, поблескивая, но не от пота, а от просветления.

Джейсон работал в газете – редактировал и оформлял развороты, следил за подвигами местных политиков, каждому из которых они давали прозвища в духе «Саксофонистый Чемберфан». Он развлекался тем, что вставлял в текст все более и более возмутительные каламбуры, кульминацией которых стал заголовок к репортажу о забеге такс: «Сосиски наготове». Он был так горд собой за этот каламбур, что в тот вечер принес домой бутылку шампанского.

– За сосисок! – провозгласил он. – И за их долгую жизнь!

Одной из его обязанностей было отвечать на звонки, и каждый вечер ему звонила некая пожилая дама и выкрикивала какие-нибудь три новости подряд, а затем просто вешала трубку.

– ДЖОРДЖ БУШ. ЯДЕРНЫЙ ХОЛОКОСТ. ЛОШАДИНОЕ МЯСО В ГАМБУРГЕРАХ!

Она повторяла эти фразы три раза, выдерживала небольшую паузу, а затем величественно говорила:

– В печать.

Казалось, будто она занимается этим уже не первое десятилетие.

– ВЫСАДКА НА ЛУНУ. ОБВАЛ ФОНДОВОЙ БИРЖИ. КРАСНЫЕ МУНДИРЫ НАДВИГАЮТСЯ.

Не женщина, а новости во плоти. И в конце всегда была одна и та же фраза:

– В печать.

– Есть, мэм, – всегда с удовольствием отвечал Джейсон, и она вешала трубку с удовлетворенным щелчком и чувством выполненного долга. Где бы они брали такую важную и достоверную информацию, если бы не она! Иногда я думаю, что и моя матушка в седые годы взвалит на себя подобное бремя, и с нетерпением жду ее вклада. Эта работа нравилась ему намного больше, чем все предыдущие. Однажды он повел меня на экскурсию в типографию – люди там до сих пор теряли пальцы при работе на станках, хоть на дворе и был уже двадцать первый век. Там даже висел календарик «Количество дней без происшествий», и я поневоле задумалась о том бедолаге, которому на следующее утро после происшествия пришлось бы подняться по лестнице и покалеченной рукой отлистать календарик обратно на ноль. На улице расстилалась чернильная ночь, а мы стояли и наблюдали за тем, как идет печать. Станок одну за другой выплевывал первые полосы газеты – с пылу с жару, полыхающие какими-то ужасными новостями. В печать.

Еще когда я работала официанткой в закусочной, Джейсон часто говорил о том, как ему нравится моя «гавайская» униформа – именно тогда я впервые начала догадываться, что у него что-то не так с глазами. Я отправила его в местный торговый центр, где можно было бесплатно проверить зрение. Вернулся он с парой очков от окулиста, который носил обтягивающие диско-штанишки и нюхал кокаин. Спустя несколько месяцев работы в «Утренних новостях Саванны» Джейсон понял, что очки ему больше не помогают, и решил наведаться к более респектабельному врачу, чьи штаны не грозили приклеиться к коже в случае внезапного пожара. В середине осмотра врач пробормотал: «Так, погодите-ка минутку», что обычно не ведет ни к чему хорошему, и увеличил изображение его глаз, чтобы рассмотреть поближе.

Оказалось, что у Джейсона – редкий вид катаракты, и ему требовалась замена двойного хрусталика. Врач понятия не имел, как она могла развиться у Джейсона, ведь это болезнь пожилых людей и детей из стран третьего мира. Прежде он никогда не встречал эту болезнь у людей моложе тридцати. Он сказал Джейсону, что без операции его зрение будет мутнеть все больше и больше, пока он окончательно не ослепнет.

Эмпедокл писал, что зрение – огонь, горящий в фонаре и льющий свет на горы, лес и лик любимых. Другие греческие философы сравнивали зрение с водой. Так или иначе, это была стихия, которая может сжечь, затопить, превратить и горы, и леса, и лик любимых в прах или поглотить без следа.

Я не могла заставить себя осознать случившиеся. Эти новости были как гром среди ясного неба. Это шокировало еще и потому, что глаза у Джейсона были совершенно необыкновенные, прозрачно-зеленые, как омытое морем стекло, с вкраплениями синего и черного вокруг зрачка. Я иррационально думала, что уж такие-то глаза наверняка протянут куда дольше, чем любые другие. Такую красоту ничто не способно разрушить. Что они, подобно айсбергам, должны скрывать в своей бездонной ледниковой глубине изрядные запасы зрения.

Операция стоила астрономических денег. Наша скудная медицинская страховка покрывала лишь небольшую часть, остальное нужно было оплатить самостоятельно и заранее. Доктор дал нам целую стопку литературы, и мы с головой закопались в брошюры, на которых сребровласые лисы ужинали при свечах в компании таких же морщинистых красоток. Вам будет по силам разглядеть меню даже в полумраке ресторана, гласили эти брошюры. И правда, люди на картинках смеялись, сидя в непроглядной тьме стейк-хаусов, и салютовали друг другу бокалами белого вина, которое, должно быть, служило некоей метафорой острого, незамутненного зрения. Мы не были стариками, мы прожили вместе очень мало – и в то же время много. Мы не могли себе позволить ужины в дорогих ресторанах, не говоря уже о всяких кибертехнологиях, благодаря которым могли бы разглядывать друг друга в полумраке. До такой суммы нам было, как до Луны пешком.

– Десять тысяч долларов? – ахнула матушка, когда я позвонила сообщить им дурные вести. – Что же вы будете делать?

Я сказала ей, что снова устроюсь официанткой или в книжный магазин, но в краткосрочной перспективе все это не имело значения.

– Нам нужно найти деньги в ближайшие несколько недель, – сказала я. – Чем дольше мы тянем, тем рискованнее будет проводить операцию.

Даже по телефону я услышала, как у нее в голове закрутились шестеренки. Скорее всего, она прикидывала, получится ли сегодня продать свои почки на черном рынке, а завтра вручить нам деньги.

– Наши подписчики в Твиттере уже спрашивали, могут ли они как-то помочь, – добавила я. – Хотят устроить сбор.

Я бездумно завела аккаунт в Твиттере еще весной 2011 года, когда Джейсон устроил мне сюрприз и подарил телефон. Пользуясь тем, что меня все равно никто не читал, я по большей части постила туда всякий бред в духе «Коснись его, – простонал мистер Квиддити. – Дотронься до штуковины мистера Квиддити» или «Чужой и Хищник е*утся в лесу. У самки течка, так что сношение похоже на бойню. Арнольд вынимает и взбирается на нее». Все эти проникновенные откровения удивительным образом помогли мне найти некоторое число друзей, а вскоре начался приток совершенно незнакомых мне подписчиков – очевидно, поклонников всякого рода грязи и бессмыслицы. Связи, выкованные в горниле пошлости и абсурда, воистину крепки.

– Эти твои интернет-торчки? – недоверчиво спросила мама. К тому времени ее представление об интернете как о пристанище убийц и маньяков эволюционировало в убеждение, что это некий универсальный наркотик, который можно каким-то образом гонять по вене. Особую ненависть она питала к Твиттеру – с тех пор, как наткнулась там на аккаунт пользователя под ником «Сатанинская Конча».

– Твит – это форма искусства, – убеждала я ее. – Как скульптура или исполнение национального гимна подмышкой.

– Это не искусство, когда в нем есть зло, – утверждала она.

– Только тогда это и становится искусством, мам.

Но в итоге именно эти интернет-торчки каким-то образом объединились и собрали для нас нужную сумму – менее чем за двенадцать часов. Без юмора не обошлось. Переводы в размере $4.2, $6.66 и $69.69 делали люди под никами «пушка_рыгушка» и «ТВОЙ СЛАДКИЙ ОТЧИМ». Донаты сопровождались не менее бесценными шуточками. Переводили деньги все, и бедные, и богатые: и человек, написавший сценарий для тв-шоу про остров, и стриптизерша по прозвищу «Пузырёк», переславшая нам все свои чаевые за прошлую ночь, и комик, нагрудные волосы которого напоминали трех выдр, слившихся в неторопливой оргии по пути к его шее. Я знала этих людей и в то же время не знала. Это было так неожиданно и потрясающе, что мне было тяжело смотреть на непрерывно обновляющийся счетчик, как на источник слепящего света, – словно сама Щедрость вдруг выпрыгнула передо мной и распахнула свой плащ. А на утро Джейсон разбудил меня и сказал, что пора закрывать фандрайзинг [15 - Сбор пожертвований.] – мы собрали достаточно. Это был его тридцатый день рождения. В тот день он плакал.

Как только хаос немного поутих, моя мама приехала нас навестить.

– Я примчалась, как только смогла, – сказала она, заключив нас в такие крепкие объятия, словно пыталась оказать первую помощь при удушье. Она приехала спасти нас.

– Мам, ты, наверное, жутко устала, – сказала я, хотя это была чистая формальность. Моя матушка напоминала сверхъестественного монстра, который не спал тысячу лет, все время питался мощными энергетиками, а по его венам бежал чистый кофеин. Она провела за рулем десять часов. Удивительно, как она еще на ногах держалась.

– Нет, я вовсе НЕ УСТАЛА. Я наглоталась антигистаминных, – заявила она. На улице сгущались сумерки, и сладкая парочка с орлиным зрением остановилась неподалеку, с интересом нас разглядывая. Мы шли в «Старенький Розовый Дом», подвальный паб, где всегда играл джаз, чтобы поесть крабовый суп с хересом и черным перцем. – Они на меня всегда действуют так, что я чувствую себя бодрой и полной энергии!

– Зачем тебе антигистаминные? – спросила я.

– Наш врач считает, что у меня АЛЛЕРГИЯ на твоего ОТЦА, – сказала она, и эти слова эхом отбились от каждой лавки в живописной аллее. – Ха-ха-ха! Так ему и надо.

От одного взгляда на мою мать зрение Джейсона улучшилось. А она повернулась к нему и с озабоченностью чуть-чуть съехавшей медсестры сказала:

– Расскажи мне про свой недуг.

Он попытался максимально просто донести до нее суть операции. Мы решили не посвящать ее в самые щепетильные и кровавые подробности, чтобы она потом не принялась накручивать себя.

– Хирург просто вскроет поверхность моего глаза, возьмет такой, ну знаете, отбойный молоток, разобьет старую линзу и вставит новую.

«Отбойный молоток?» – одними губами переспросила я. Действительно, почему бы не вложить в голову моей матушки картину, на которой ему в глаз засовывают булаву?

– Вы знаете, у миссис Форд было такое, – вспомнила моя матушка, – но теперь никаких проблем, она опять может спокойно читать рецепты пирогов.

Миссис Форд была подругой моих родителей, жила на острове и ей было около восьмидесяти лет. Ее муж был отставным генералом, уличенным в посещении католических служб, а еще он постоянно пытался уговорить моего отца съездить с ним на юг – половить креветок. Этот генерал был источником многочисленных поразительных цитат. Однажды он здорово испугал Джейсона, когда вдруг ни с того ни с сего положил ему на плечо свою железную лапу и прошептал: «Я никогда не чувствовал себя ближе к Богу, чем в польской церкви!» А в другой раз он рассказал нам историю о самолетном ангаре в «чернокожем городе», в который во время урагана Эндрю набились перепуганные мартышки. История была длинной и запутанной и каким-то образом включала участие Национальной гвардии, а в конце он посмотрел на нас со странным триумфом во взгляде и выдал совершенно неожиданную кульминацию: «И знаете что? Все эти мартышки до одной оказались заражены СПИДом!»

– Триша, ты сможешь довезти его домой из больницы? Ведь у него будет повязка на глазах, и он будет отходить от наркоза.

Я и сама задавалась тем же вопросом. Во времена беззаботной юности меня так травмировали уроки вождения моей матери, которая обычно вынуждала меня ползать по кладбищенским дорогам и визгливо умоляла не врезаться в чью-нибудь могилу и не убить ее владельца во второй раз, что теперь я водила машину лишь в крайних и неотложных случаях.

– Я попробую. Тут всего две мили ехать, за две мили ничего не должно случиться, верно?

– Ну, я теперь прекрасно обхожусь без сна, так что, если понадоблюсь – только скажи, буду у вас через десять часов. Нет, девять. Нет, восемь!

В этот момент она как раз проходила мимо какой-то темной фигуры на краю тротуара и взвизгнула:

– Боже правый, там человек без ног!

– Мам, это урна для мусора.

– А…

Мы спустились по каменным ступенькам и заказали выпивку. Тотчас какой-то мужик, сидящий у другого конца барной стойки, стал кидать на мою мать похотливые взгляды. Я слегка подтолкнула маму локтем.

– Мам, только резко не оборачивайся, но мне кажется вон тот мужик на тебя запал.

Она отбросила волосы за спину, ни дать, ни взять Юная Мисс Техас.

– Вечная история, Триш. Им нравятся женщины в самом соку.

– А что ты будешь делать, если он подойдет?

– Ну, тогда его помидоркам явно не поздоровится! Вырву с корнем, – она вскинула перед собой руки, как каратистка. Несмотря на то, что Джейсон, скажем так, увидел только верхушку айсберга, который представляла собой моя матушка, он уже готов был рухнуть от восхищения. Моя мать в очередной раз доказала, что с ней и в разведку не страшно. Она была из тех, кто добровольно спускается в самое пекло, а потом выбирается оттуда, не замарав ни единого перышка.

* * *

Три недели спустя я сидела в прохладном зале ожидания, листая один из тех журналов, которые постоянно печатают советы в духе «Как удивить мужчину во время секса». Ну да, все же знают, что, когда на тебя взбирается снедаемый страстью самец, он прямо-таки жаждет встретить внутри неожиданный сюрприз. На странице с рекламой духов происходило нечто загадочное – восхитительный белый конь пытался заняться любовью с женщиной на пляже. Прекрасное искусство повсюду, куда ни глянь. А что, если у хирурга рука дрогнет и Джейсон ослепнет? Тогда мне придется описывать ему подобные картинки, также, как Лора Инглз рассказывала своей слепой сестренке Мэри, как выглядят прерии [16 - Лора Инглз Уайлдер – американская писательница, автор серии книг для детей «Маленький домик в прериях» о жизни семьи первопроходцев времен освоения Дикого Запада.]. Я пристальнее вгляделась в рекламу и решила попрактиковаться. Конь, словно эротический лунный свет, летит по бескрайнему берегу. В приступе страсти он ласкает своими лошадиными губами шею женщины. От нее так хорошо пахнет, что конь думает, будто он – человек. Он хочет зачать с ней жемчужину и увидеть, как она родит ее в пене морской. Блин, а я хороша. Но что, если мне придется описывать ему не эфирных лошадей, а что-нибудь посерьезнее, что ему действительно захочется увидеть? О боже, неужели мне придется научиться разбираться в футболе?

Перед операцией они так накачали Джейсона обезболивающими, что ему начало казаться, будто «президенты ведут мирные переговоры прямо у него внутри». Но во время самой операции он должен был проснуться – и этот факт здорово пугал нас обоих. В тот момент, когда ему начали удалять линзы, он видел разбитый калейдоскоп, брызжущий свет, витражи и розовые окна, и когда его вывезли из операционной, его разум расширился до немыслимых горизонтов, и возврата назад уже не было. Из-за глазных капель зрачки у него были размером с планеты, и он улыбался, как ребенок, достигший внезапного просветления.

– Я гоняю на паровозике! – радостно восклицал он, пока я помогала ему подняться по лестнице в нашу квартиру, гордая тем, что умудрилась не угробить нас по пути домой.

– Скорее уж, ты гоняешь по вене, – усмехнулась я, укладывая на диван его тяжеленные ноги.

– Мне нужно, чтобы ты передала кое-что… – пробормотал он, когда я укутала его пледом и подоткнула со всех сторон. – Передай… Джеки Чану… что он – четкий перец.

А затем он торжественно, точь-в-точь Дракула, сложил руки на груди, сомкнул черные ресницы и впервые за долгое время погрузился в спокойный сон.

Хотелось бы мне сказать, что на этом вся эта история и закончилась, но вскоре стало ясно, что первая операция прошла неудачно. Когда Джейсон проснулся и наркоз рассеялся, мы узнали, что его правый глаз, как бы это сказать, открыл портал в Зазеркалье. Расстояния произвольно сворачивались, разворачивались и закручивались кольцами, а бывало, и застревали где-то на полпути – словом, с ними творилось что-то невразумительное. Цвета тоже стали другими, каждый предмет теперь окружал ореол. Город превратился для него в картину тех времен, когда художники еще ничего не знали о перспективе. Газеты, лежащие перед ним, отдалялись и становились реальными предметами, только когда он протягивал руку и дотрагивался до одной из них. Заголовки таяли. Даже когда я сидела напротив него за столом, он уже не видел меня. А я вспоминала секси-старичков из брошюры и то, как они читали друг другу меню в полумраке, да еще и с таким видом, будто чтение – это прелюдия. Мое лицо в его глазах теряло телесные черты и превращалось в сгусток улыбающегося, говорящего тумана. Он уже не видел меня.

Джейсон пытался описать мне, как теперь видит мир. Для него он стал похож на воду, которая неумолимо утекает все дальше и дальше и замирает, лишь наткнувшись на плотину. Ему становилось немного легче лишь на крышах высоких зданий, где вид простирался на много миль вокруг и где он мог дать взгляду разгуляться и скользить по этим милям, впадая в конце в реку Саванны.

Врач сказал, что-то не так – либо с самими линзами, либо с мозгом, который отказывается их принять. Он удалил их и заменил другими, получше, но разница

между его прежним зрением и новым была слишком велика. Это было все равно, что проснуться однажды утром и узнать, что все правила в языке перемешались или что все хорошенькие женщины теперь выглядят так, будто сошли с картин Пикассо. Это не было даже отдаленно забавно, в отличие от подавляющего большинства событий, которые с нами происходили. Если сравнивать с другими, нам повезло – конечно же, нам повезло. Но теперь между ним и остальным миром как будто пролегла пропасть – и я никак не могла помочь ему перейти ее.

Никогда прежде я не ходила столько, сколько в те дни. Проходя мимо дома Фланнери О’Коннор, я задумывалась о перипетиях ее жизни, поэтике гротеска, а также об истоках милосердия в ее произведениях. Ее творения были безжалостными, почти такими же, как сама жизнь, но и в них нашлось место милосердию. А потом я подумала: «Так ведь эти истоки в нас самих, мы – источники этого милосердия; она лишь показывает нам язвы этого мира, а саднят и кровоточат они уже внутри нас». Не самое подходящее время для размышлений о литературе, но что поделаешь. Колокола по ту сторону дороги все не умолкали, словно пытались мне что-то сказать, и у меня в голове вдруг всплыли старые, совершенно бессмысленные слова:

«И сказал им Иисус в ответ: пойдите, скажите Иоанну, что слышите и видите: слепые прозревают и хромые ходят, прокаженные очищаются и глухие слышат, мертвые воскресают и нищие благовествуют; и блажен, кто не соблазнится о Мне» [17 - Евангелие от Матфея 11:4.].

Эти слова не были бессмысленными для меня, потому что так уж меня воспитали. Ведь это были рудиментарные органы религии: голос гласящий и рука, что тянется удержать.

* * *

Сначала Джейсон взял на работе отпуск, а затем и вовсе уволился. Мы думали, что через несколько месяцев все наладится и безработица закончится, но этого так и не произошло. Мама и старшая сестра присылали нам деньги. Приличные продукты мы себе позволить не могли, поэтому наши друзья-поэты готовили нам овощную пиццу и куриные ножки и пили с нами в парке дешевое красное вино,

по вкусу напоминавшее покрытый ржавчиной гвоздь. Мы часто сидели в угрюмой тишине, которую поэты находили весьма приятной, и отмахивались от невидимых мошек. Но, несмотря на все это, наша прежняя жизнь в том городе была давно и безнадежно потеряна и стремительно превращалась в точку на горизонте. Мы понимали, что нам придется покинуть это место. Мы всегда приезжаем откуда-нибудь и в конце концов всегда туда возвращаемся. Это и есть наша Родина.

На нашем счету в банке осталось всего несколько сотен долларов – горстка стремительно сокращавшихся нулей, которых нам не хватило бы и на месяц.

– Возвращайтесь домой, – сказала нам мама по телефону. – Папа не против, можете оставаться сколько угодно. Возвращайтесь домой.

3. Младенцы в чистилище

– Ты в курсе, что перед свадьбой твой отец позвал меня во двор и сказал, что ты чокнутая и мне придется заботиться о тебе до конца жизни? – спрашивает меня Джейсон.

Мы едем прочь из Саванны сквозь дубовую рощу, заросшую мхом. Тонкое кружево из света и тени скользит по лобовому стеклу и коробкам, снова сваленным в кучу на заднем сидении. Кошачья переноска стиснута между моих ног на полу и время от времени мяукает, спрашивая, куда мы едем. Рядом с ней лежит стопка моих книг и карты таро – не знаю, зачем я взяла их с собой, учитывая, что в последнее время мне не выпадает ничего, кроме Отшельника и Дьявола. Мне пришлось оставить львиную долю моих сокровищ, включая коллекцию лечебных кристаллов. Но теперь, когда все позади и сам город стремительно уменьшается в зеркале заднего вида, Джейсону стало заметно легче. Теперь он сможет разгрузить голову от насущных проблем на месяц-другой и приспособиться к новому видению мира, картонным деревьям, уличным фонарям в ореолах и моему далекому лицу, а затем начать искать новую работу. Слишком долго он нес это тяжелое бремя. Теперь можно распрямить плечи. Влажный климат Саванны все еще клубится вокруг нас в салоне автомобиля, но я уверена, что он рассеется, как только мы выйдем наружу.

Я прыскаю от смеха.

– Нет, но, если он так и сказал, считай тебе повезло. Перед тем, как мой шурин женился на моей сестре, отец позвал его на ужин в хороший ресторан и рассказал про свой синдром горящей простаты. Позже мы пытались найти, что это такое, но оказалось, такой болезни не существует.

– Никогда этого не забуду. Мы тогда ждали тебя на парковке у церкви после мессы – ты, кажется, в тот день пела в хоре – как вдруг он положил руку мне на плечо, вздохнул и такой: «Она будет твоим вечным альбатросом, Джей» [18 - Отсылка к поэме Сэмюэла Тейлора Кольриджа «Баллада о старом моряке», в которой моряк, подстреливший дружелюбного альбатроса, в знак покаяния вынужден носить его тушу у себя на шее.].

Я снова усмехаюсь, но уже про себя. Ох уж эти папины перлы, мы уже целую коллекцию насобирали и трепетно бережем каждый экземпляр. В постоянных пересказах они натерлись до безумного блеска.

– Ну, в чем-то он был прав. У меня и правда немного крыша поехала, когда я сбежала из дома. Я часто ложилась на пол рядом с бумбоксом и представляла, что слушаю сердцебиение музыкального плода в его утробе.

– О, это я помню, – говорит он и выдает долгий низкий свист – но не тот, который обычно издают вслед красотке, а тот, который вырывается у вас, когда некая дама вдруг срывает парик, чтобы показать вам дырку у себя в голове.

– Я бы тебя нисколечко не винила, если бы… скажи, ты когда-нибудь думал о том, что на мне не стоит жениться?

– Ну конечно, – говорит он, и я чувствую внутренний толчок – так бывает, когда сталкиваешься с альтернативной вселенной, которая обычно незримо следует параллельно твоей и тут вдруг выпрыгивает у тебя перед носом, как дельфин из темных глубин. Когда вдруг понимаешь, что твоя жизнь могла сложиться совершенно иначе.

– Но я понял, что для меня неважно, изменишься ты когда-нибудь к лучшему или нет. И если бы мне действительно пришлось влачить тебя на шее, я бы влачил, – и он издает громкий альбатросий крик. – Кроме того, мне кажется, всю жизнь

носить птичку на шее – это довольно круто.

– Странно, что теперь ты так нравишься папе, – размышляю я, – хоть и работаешь в СМИ.

– Я точно знаю, когда именно начал ему нравиться, – говорит он голосом, подернутым ностальгией. – Это было как раз перед тем, как мы все поехали в большой семейный отпуск, через год или два после нашей свадьбы. Твоя мама как раз закончила собирать вещи и пыталась запихать всех в машину, собака лаяла во всю глотку, а твой младший брат описался на кучу свежевыстиранного белья, короче, в доме творился сущий ад. И вот в самый разгар этого безумия твой отец позвал меня в свою комнату, вручил свеженькую двадцатку и сказал: «Джей, мне нужно, чтобы ты сходил к Арби и купил мне столько бургеров, сколько получится». Я вопросов не задавал. Просто пошел и купил, – Джейсон затих, погрузившись в воспоминания. – Времени ушла куча, потому что, к чести той бургерной, «Биф-энд-Чеддерс», они залежалый товар не продают, делают все при тебе.

– И после этого ты ему понравился.

– Мне кажется, после этого он полюбил меня.

Дорога гудит и шуршит под колесами. Джейсон резко оглядывается вслед мелькнувшей тени, похожей на белку.

– Кроме того, – говорит он, – вся эта дичь творилась внутри дома. То ли буря, то ли непрекращающееся гитарное соло, то ли радиопомехи, которым конца-края не видно. Но я был уверен, что как только ты оттуда уедешь, все наладится.

Десять часов спустя перед нами замаячило приземистое кирпичное здание, увенчанное большим каменным крестом. Руки и ноги Иисуса на нем были такими по-детски округлыми, что казалось, будто они сделаны из хлебных булок. Прямо за углом – кирпичный дом со ставнями цвета винного папоротника и флагами по бокам двери: американским с одной стороны и морской пехоты с другой. В каждом окне гостеприимно горели электрические свечи. Вот мы и дома.

Отец встретил нас, сидя на кожаном диване в белых трусах – что ж, судя по всему, со времени моего отъезда из дома Локвудов двенадцать лет назад тут ничего принципиально не изменилось.

– Я так близко с ним знаком, – шепчет Джейсон, склонившись к моему плечу. – Всякий раз, когда я оказываюсь в одной комнате с твоим отцом, у меня возникает такое впечатление, будто я должен взяться за карандаш и начать рисовать его ляжки.

Это правда. Все мое детство было одним долгим уроком рисования, во время которого Санта позировал нам, раздевшись до трусов и громогласно требуя холодца.

Я глубоко убеждена, что каждый служитель Господа в душе является тайным приверженцем еще какой-нибудь религии. В папином случае – это вера в то, что человек должен ходить голышом. Ну, точнее, в трусах. Есть такие мужчины, которые искренне верят в то, что должны немедленно раздеться до пояса, стоит им перешагнуть порог своего дома, и мой отец – один из них. Я почти не помню его в штанах, зато хорошо помню многочисленные серьезные разговоры, во время которых он опирался локтями на свои голые колени. Брюки он не носил из принципа – почти никогда. Мы частенько видели его в белом воротничке и трусах, и больше ни в чем. Казалось, он не в состоянии думать, если не видит собственный пупок. Вторую половину дня он предпочитал проводить сидя, развалившись на кожаном диване и разговаривая с Арнольдом Шварценеггером, который бегал за кем-нибудь по джунглям с автоматом. И всякий раз довольно смеялся, когда после убийства очередного врага тот отпускал каламбур. Судя по всему, к фильмам мой отец относился так, будто все происходящее там – реально. Он смотрел их в состоянии какой-то крайней физической восприимчивости, так широко расставив перед телевизором ноги, будто пытался смотреть задницей. Его любимой позой был лежачий полуприсед, в котором одна нога отведена в сторону вверх, а другая вытянута вперед – лучшая антиреклама для студии растяжки, которую только можно себе представить.

Всякий раз, когда мы приводили домой друзей из школы, первым делом мы подходили к его запертой двери и орали: «ПАП, ТЫ ОДЕТ?» А он орал в ответ: «КОНЕЧНО, Я ОДЕТ», а позже забывал об этом и выходил из комнаты в одних трусах – наверное, потому что память у него была ненамного крепче, чем ткань на этих самых трусах. Ну а потом он ловил взгляд пунцовой как свекла одноклассницы своей дочери, сидящей за кухонным столом, хлопал себя по лбу

и орал: «ГОСПОДИ, БЛИН, БОЖЕ!» Изумлялся он всякий раз совершенно искренне и всякий раз орал «Господи, блин, Боже!» После чего со всем достоинством, на которое только способен человек в трусах, брал пакет со шкварками и удалялся туда, где мужчина может поесть шкварки, сидя с сиськами наголо, как и завещал Господь, безо всяких там школьниц, не знающих, куда им деть свои глаза. Он был, в конце концов, порядочным человеком.

– Вот так вот! – радостно восклицает он, откусив наконец кусок от тягучей упрямой ленты подозрительного на вид вяленого мяса, которое выглядело так, словно еще вчера бегало по клетке в зоомагазине. Он был как-то чрезмерно рад меня видеть, неужто забыл, как я выгляжу? – А где ваша киска? Пущу ее на такое вот мяско.

– Не смей говорить, что убьешь кошку, Грэг! – говорит мама, материализуясь в дверном проеме, как призрак. – Она не знает, что ты так шутишь!

– Как скажешь, бабонька, – говорит отец и любяще, приглушенно пукает. Безудержное пуканье во время разговора было особой формой самовыражения в его семье. Попроси мою мать описать эту семью в двух словах – она с силой втянет воздух сквозь стиснутые зубы и скажет: «Ох уж эти Локвуды. Денег куча, а пердеж удержать в себе не могут!»

Если про моего отца красноречивее всего говорят оттенки его трусов, то про мою мать – ее Встревоженность, вспыхивающая разными оттенками всякий раз, когда у кого-нибудь в стране горит дом. Есть такой вид людей – люди-Лесси [19 - Лесси – вымышленная собака породы колли, персонаж многих фильмов, сериалов и книг. По сюжету ее хозяин, 13-летний мальчик по имени Тимми, постоянно куда-то падает.], поразительно тонко улавливающие запах неприятностей: в их голове, как в духовке, срабатывает звоночек, стоит какому-нибудь ребенку где-нибудь свалиться в колодец. Моя мать – именно из таких вот Лесси, а все человечество – это ее Тимми.

Единственный журнал, на который она когда-либо была подписана, – это «Профилактика», и печатались в нем исключительно статьи о том, какие фрукты могут предотвратить рак. На обложке всегда была изображена бегущая трусцой

бабуля в спортивном лифчике, потрясающая в воздухе кулачком в честь победы над множеством невидимых болезней. И когда матушка читала его, сидя за кухонным столом, на котором стоял богатый антиоксидантами обед из свеклы и тушеной морковки, лицо у нее было, как с картины «Крик» Эдварда Мунка.

Моя мать родила пятерых детей и вскоре у нее появится уже восьмой внук. Сама она, наверняка, сказала бы, что ей было предначертано стать матерью, и это правда, ведь именно в присутствии маленьких детей она достигает высшей концентрации своей сущности. В такие минуты мама словно забывает родной язык и переходит на бессмысленную вокальную импровизацию с примесью предостерегающей ругани. Звучит это примерно так:

– …Солнышко… нет… Ну-к-ка, иди сюда… ой-ой-ой… НЕ ДАЙ ЕЙ… она тянет в рот… нет, лапушка, ну что ты, это ведь тебя убьет… ой, смотри… смотри-смотри-смотри… я ей нравлюсь… я всем деткам нравлюсь… ой, ой, ЛЕСТНИЦА… так, хватай… ОНА СЕЙЧАС УПАДЕТ… так, лучше сними ее, пока она себе шею не сломала… у-у-у-у ХА-ХА-ХА-ХА!

Это просто чудо, что мы все благополучно научились говорить. И в то же время с детства впитали осознание, что смерть есть и она рядом. Но это хорошо, что наша мать была такой осторожной. Воспитывай нас только отец, мы бы все давно попадали в открытые люки.

Ленивая и рыхлая человеческая куча на диване поднимается, превращаясь в моего отца и неторопливо направляясь к Джейсону – познакомить его со своим очередным терьером, маленьким черным зверьком по имени Уимзи. К сожалению, это не самая умная собака на свете. Она знает всего одну команду – Перевернись Три Раза. Тем не менее отец ее обожает и сюсюкает с ней так, как не сюсюкал ни с кем из нас, то и дело нараспев повторяя: «Ут-ти, пут-ти, щенопутти!» – даже когда никто, кроме нее, это не слышит. Она его самая верная спутница.

– Стерилизовали? – спрашивает Джейсон, наблюдая за тем, как Уимзи в экстазе катается по его ступням. Похоже, это единственный вопрос на тему собак, на который он сейчас способен.

– Нет, она у нас настоящая женщина, Джей, – говорит отец, с любовью глядя на нее. Типичная история. В нашей живут самые целые собаки на свете. И думать не смейте, что у кого-то из наших песиков нет бубенцов или что кто-то из них не способен в любой момент наплодить целый выводок щенят. Когда мой брат Пол завел здоровенного английского бульдога по кличке Бекон, первое, что он сделал – скинул мне откровенную фотку его причиндалов, как будто хотел заверить меня, что будущее собачьего вида в безопасности.

Для моего отца бульдоги, названные в честь мяса, – это слишком маскулинно. Ему больше по душе аккуратно стриженные, истеричные крысособаки, породистые, по жилам которых бежит голубая кровь, наполненная желанием как можно скорее выстроить стену между Соединенными Штатами и Мексикой. Достаточно компактные, чтобы поместиться в сумку и отзываться на писклявые уменьшительно-ласкательные прозвища, вроде Дикки, Татти или Наги. Наверное, это как-то связано с тем, что его семья по линии матери происходила из Новой Англии. Когда он общается со своей собакой, он как будто превращается в здоровую породистую тетку по имени Баффи, которая играет в маджонг по выходным и питается только hors d’Cuvre [20 - Закусками (франц.)].

И, наверное, только в силу своей преданности породе он называет мою матушку «Каирн» [21 - Каирн (также тур или гурий) – английский археологический термин, для обозначения искусственного сооружения из груды камней, кургана или дольмена.].

– Да он и женился на мне, потому что я – терьер в человеческом образе, – сказала она мне как-то раз с восхитительной невозмутимостью. – Я быстро выхожу из себя, у меня пушистые волосы и исключительный нюх. А еще я редкая сука.

Собачка задирает голову кверху, словно пытается что-то нам сообщить, наверное, поделиться своим мнением о религии.

– Закрой пасть, Уимзи! – шикает на нее мама.

– Что ты сказала?! – моментально выходит из себя папа. – Ты как разговариваешь с моей собакой?

– Она так лает, что у нее сейчас башка отвалится! Соседи скоро начнут на нас жаловаться!

– А ты небось мечтаешь, чтобы моей сладкой бусечки не стало! – драматично орет отец. Эта собака – их вечное яблоко раздора, потому что у матери сильная аллергия. По идее у нее должна быть такая же аллергия и на кошку, которую мы пытаемся незаметно для отца протащить наверх, но про нее она ничего не говорит. Отец презирает кошек. Для него они все – маленькие и злобные «хиллари клинтонши», покрытые феминистской шерстью. Этим кошкам только дай шанс, они тут же все как одна побегут делать аборты просто забавы ради. Поэтому наша пушистая грешница Элис будет сидеть под замком в спальне наверху, разгуливая взад-вперед на кашемировых лапках, и агитировать за равную оплату труда, напоминать мне, что мое тело – мое дело, и планировать свержение патриархата.

Мама продевает свою руку в мою.

– Не знаю точно, почему он так ненавидит кошек. Если уж кто и должен их ненавидеть – так это я. Когда я была маленькой, какая-то кошка влезла в мою комнату и родила прямо на моей постели.

Она сентиментально улыбается, вспоминая эту кровавую баню, а затем громко чихает. Потом еще раз, и еще. Со временем она начнет чихать каждую ночь ровно в полночь, прямо как оборотень, у которого вдруг развилась аллергия на собственный мех. Джейсон, стоящий рядом с другой стороны, сжимает мою ладонь.

Что ж, из одного Зазеркалья в другое.

Когда мама смотрит на нас, она светится изнутри, как вечерний уличный фонарь, и свет этот уютный, домашний и исполненный ностальгии. Теперь у нее будут друзья, люди, которых нужно кормить и с которыми можно посидеть вечерком, поболтать и посмеяться. Когда отец решил переехать в епархию в Канзасе, он оторвал маму от всех ее детей, которые по большей части жили в Цинциннати и Сент-Луисе, к тому же ей не хватало собственной матери, брата и сестер.

У отца чувство семейственности носило скорее теоретический характер. Ему нравилось, что у него много детей – будет кому присмотреть за собачками в будущем! – но я не уверена, что он знает хотя бы, где мы все живем. Да и с семьей мамы он никогда особо не общался, так что вряд ли тоскует. Всякий раз оказываясь в толпе, он испытывает приступ клаустрофобии, которой, впрочем, совершенно не страдал во время службы на подводной лодке. А еще мой дядя как-то раз на Рождество подарил ему «Космос» [22 - «Космос» – научно-популярная книга Карла Сагана, астронома и лауреата Пулитцеровской премии, изданная в 1980 году. Посвящена различным научным темам от происхождения жизни до места человечества во Вселенной.] Карла Сагана, как он сам полагал, просто в качестве прикола, но отец ему этого не забыл.

Даже моя матушка удивилась.

– Книга про космос? Издеваешься? – спросила она таким тоном, будто книги про космос в ее представлении располагались где-то между Библией Сатаны и книгами про пингвинов-геев.

– А что в ней плохого? – спросила я.

– О, Триша, – она усмехнулась моей глупости, – даже Вселенная бывает неуместной!

– Позвольте я устрою вам небольшую экскурсию, – говорит мама и ведет нас на кухню, где во время ремонта, с видимым сожалением сообщает она, один из строителей потерял часть руки. Этот дом новый и незнакомый, но под его крышей каким-то образом соединились все дома моего детства. Те же распятия, мягкие диванчики, тарелки. Тот же стойкий запах отцовской стряпни – как будто говяжий фарш за грехи пытают в геенне огненной. То же, прости Господи, искусство.

Почти все картины в этом доме – изображения Иисуса с двумя приподнятыми пальцами, как будто он пытается подоить все вокруг: воздух, облака, калеку, который пришел за благословением, а получил от Сына Божьего вот такое. Вот Иисус на фоне неба, тянется к солнечному лучу с таким видом, словно хочет выдоить из него весь свет к чертовой матери.

А если на картинах не Иисус, то там обязательно будут корабли и хищные кошки, и все они сочетаются с атмосферой дома куда лучше, чем можно было бы подумать. На одной стене – фотореалистичная картина 1960?х годов, на которой изображен прыгающий тигр, такой свирепый, что кажется, будто он только что съел Иисуса и что на самом деле это Иисус, скорчившийся у тигра внутри и познавший вкус плоти, хочет на вас накинуться. Над диваном – картинка с изображением перепела, идущего по следам человеческих ног на снегу. Чьи это следы? Думаю, можно не уточнять.

Над камином висит полотно с полностью оснащенным кораблем, стоящим на якоре в Нантакетской гавани. Это самая ценная отцовская картина. Он говорит про нее просто: «Это – Стобарт», как другие люди говорят: «Это – Ван Гог» или «Это – Бэнкси». Стобарт – самый шаблонный и каноничный маринист в мире, на всех его картинах – корабли на фоне заходящего солнца, а сами картины выполнены в жемчужно-голубых, анемоново-розовых и устрично-серых цветах, и на каждой – лужи на пристани и снасти, такие тонкие, что кажется, будто их нарисовали волоском. Но когда я смотрела на них, я все равно не могла избавиться от ощущения, что и там где-то притаился Иисус – в обличье не то самого странного и горячего юнги, не то потрепанного жизнью и солнцем попугая, который ни за кем не повторяет и пытается ВАС угостить крекером.

– Никогда не устаю смотреть на этот шедевр, – бросает отец, вглядываясь в «Стобарта» пристальным, страстным взглядом, пытаясь отыскать там скрытого от глаз юнгу.

– Ненавижу современное искусство, оно отрицает Бога, – частенько говорит он. Многие католики так и не оправились от картины Девы Марии, написанной слоновьим навозом [23 - «Пресвятая Дева Мария» (1996), написанная британским художником Крисом Офили частично с использованием слоновьего навоза, была продана на аукционе Christie’s за $4,5 млн.]. У них наверняка выработалось стойкое ощущение, что в Нью-Йорке есть целые музеи, битком набитые антикатолическими картинкам, на которых невинную Деву осыпают фекалиями всех обитателей зоопарка.

– Видела, какая тут уродливая церковь? – спрашивает он меня. Я видела. Он предполагает, это потому, что церковь построили в пятидесятых, а тогда все уже начали становиться коммунистами.

– Я тебе скажу, в чем проблема, – говорит он, усаживаясь на своего любимого менторского конька. – Когда люди забывают о гендерных ролях, они начинают строить уродливые церкви. Архитектура требует баланса между мужским и женским началом, только тогда рождается красота.

Чего-о? Да быть такого не может. Согласно этой логике, идеальным собором был бы исполинский «Символ любви» [24 - «Символ любви» – непроизносимый символ, который певец Принс выбрал в качестве нового имени. Представляет собой смесь гендерных символов мужчины и женщины.], в который люди могли бы приходить помолиться.

В честь нашего приезда мама переделала для нас свою старую комнату для шитья. Стены в ней белые, как яичная скорлупа, а потолок такой низкий, что его можно коснуться рукой. Сама комнатка примерно три на три метра, и на одной из стен – двускатное окно, создающее ощущение уюта. Еще там есть два больших шкафа – будь у вас такие в детстве, вы бы наверняка прятались там с личным дневником. И лампа из граненого стекла, отбрасывающая свет с узором в виде ананаса по всему потолку. На комоде стоит вся моя детская коллекция гномов, накопившаяся в ту эпоху, когда я питала к ним неистовую страсть. До сих пор удивляюсь, как так вышло, что теперь я занимаюсь сексом с людьми, а не набрасываюсь в приступе желания на садовые фигурки.

Над кроватью висит картина с маками, которую я подарила маме на Рождество, уверенная в ее непритязательном вкусе в искусстве. Маки, нарисованные алой и розовой акварелью, напоминают пятна крови. Очень напоминают пятна крови… на белых, как снег, трусах. «О боже, —доходит наконец до меня, – я подарила маме картину с месячными».

– Мам, это… это… – я тычу пальцем в рисунок.

Она лишь машет рукой в ответ на мое удивление.

– Я все ждала, когда ты сама догадаешься. Думала, быть может, у художницы приключилась какая-то трагедия, например, месячные начались прямо в церкви.

Я обещаю себе никогда больше не пытаться ее просветить. Должно быть, это было очень неправильно с моей стороны. В этот момент в комнату заходит

Джейсон с двумя чемоданами и видит, как мы пялимся на картину.

– А почему вся стена в крови?

Она со скрипом открывает дверь в ванную и показывает Джейсону, где стоит бутылочка аспирина.

– Если почувствуешь в левой руке такую сильную, стреляющую боль, потужься как следует, как будто сидишь на унитазе, а затем прими две таблетки, – ласково говорит она. Я перевожу взгляд с нее на душевую кабинку и замечаю там маленькую бутылочку «Фэйри».

– Почему это здесь?

Она секунду колеблется, словно раздумывает, сообщать мне или нет. А затем вздыхает и говорит:

– Твой отец моется средством для посуды.

Это происходит, когда я иду за ней по коридору. Я вдруг сжимаюсь дюйм за дюймом до тех пор, пока не превращаюсь из зрелой женщины обратно в ребенка, одетого в комично-взрослый деловой костюм и неуклюже ковыляющего вслед за матерью. Все это время я лишь притворялась взрослой. В моем дипломате не документы, а детский сок. Меня раскусили.

Вот он – дом. Что такое «дом»? Концентрат определенных вещей, которые могут существовать лишь в определенном месте и при определенных обстоятельствах? Срез между жестким и мягким, сгусток привычки, в котором приятно лежать, свернувшись клубочком? Или это просто ощущение? Не знаю точно, но в одном я уверена: меня крепко скрутило и непонятно, когда наконец отпустит.

Оставшись на минуту наедине, мы с Джейсоном крепко обнимаемся. Я похлопываю его по спине, и непроизвольная младенческая отрыжка с ревом вырывается из его нутра.

– Ты заставила меня срыгнуть! – возмущается он. Ну что ж, значит я не одна.

Мы быстро проваливаемся в рутину. Вечером мы едим торт «Амброзия» с клубникой и взбитыми сливками и пьем просекко, которое мама держит в морозилке. Ей хватает двух бокалов, и вот она уже угорает над всем подряд, сгибается пополам, хихикает и выдает «О ДА!» Когда я была маленькой, мама в какой-то момент решила, что «О ДА!» голосом говорящей бутылки из рекламы – это ее фишечка, и с тех пор вставляет это восклицание через слово. Когда я как обычно начала икать от пузырьков просекко, она стала хлопать меня по спине и кричать: «Это все потому, что ты пьешь неправильно! Пей правильно!»

В полночь она открывает свой ноутбук и принимается вслух зачитывать все, что попадается ей на глаза в интернете. Сколько она будет читать? Ну, НЕ БОЛЬШЕ пятисот страниц, это точно, рассуждает мама. Она долго боролась с интернетом, но в конце концов решила сдаться и упасть в его объятия. В конце концов где, как не там, можно найти массу увлекательных историй о людях, которые умерли ужасной смертью.

– Ты слышала об этом, Триш? – спрашивает она, вслух зачитывая историю о мальчике, который задохнулся, обнимая плюшевого мишку. – Кто бы мог подумать, что от объятий можно умереть! – размышляет она.

– Ты слышала историю о проклятых четках? – продолжает мама. – Китай выпустил проклятые четки, в которых спрятаны пентаграммы, нет аббревиатуры ИНЦИ [25 - Аббревиатура «Иисус Назарянин, Царь Иудейский» изображается на титле распятий, над фигурой Христа. Согласно Новому Завету, первоначально фраза была написана на табличке Понтием Пилатом и прикреплена к кресту, на котором распяли Иисуса.], а за ликом Христа прячется змий. Моя подруга нашла такие у себя дома, и ее мужу пришлось отнести их в гараж и уничтожить. Говорят, если увидишь такие четки, ни в коем случае нельзя их трогать руками, только палочкой, а потом нужно унести на задний двор и там похоронить.

А потом резкий скачок:

– О, появился новый вид диареи, которая поражает только пожилых!

– Мама-мама, – качаю я головой, не в силах сдержать смех.

– Что? – спрашивает она, глядя на меня поверх очков.

– Да ничего. Ты читай, читай.

– ЧЕМ ВЫ ТУТ, БАБОНЬКИ, ЗАНИМАЕТЕСЬ? – гремит с порога мой отец.

Он всегда называет нас «бабоньками». Хотите верьте, хотите нет, но так он выражает свою симпатию. А вот когда он сердится, тогда называет уже «фемишистками». Когда он впервые услышал это слово по радио в шоу Раша Лимбо в начале девяностых, он прикипел к нему всей душой; «фемишистка» стала его вечной спутницей, почти второй женой. Монашки были фемишистками, демократы, секретарша, которая попросила его не называть ее «куколкой». Думаю, нет нужды говорить, что я тоже фемишистка. Он находит этому слову применение в самых разных ситуациях. Даже если бы он брел по пустыне в полном одиночестве и на него напала пума, он бы наверняка выкрикнул: «Ах ты фемишистка паршивая!» – прямо в ее пушистую морду, после чего она наверняка бы его отпустила.

Мама его игнорирует.

– Триш, а ты видела онлайн-викторину, где нужно угадывать, что это – хот-дог или нога знаменитости?

Ну конечно видела, говорю я. Так или иначе, наверняка видела.

Когда мы поднимаемся к себе и укладываемся спать, сон не идет. Где-то в темноте без умолку перекликаются соседские собаки. Уимзи в этом оркестре – ведущая скрипка. Она тявкает всю ночь напролет, словно без конца отвечает на вопросы, которые ей никто не задавал.

Но на фоне всего этого слышен и куда более тревожный звук – поскрипывание половиц под ногами моей матушки, которая на цыпочках патрулирует коридоры и время от времени останавливается у нашей двери – проверить, не умерли ли мы во сне? Мы с Джейсоном смотрим друг на друга с печальным осознанием, что

под крышей этого дома секса нам не видать. О нем можно смело забыть. А что, если распятие над дверью вдруг оживет? Что, если прямо во время секса мы посмотрим на него и увидим, что Иисус плачет кровавыми слезами? Что если буквы ИНЦИ у него над головой вдруг начнут произвольно меняться местами и превратятся в ПИСИ? Кроме того, я каждый раз наверняка буду беременеть.

Есть такие дома, из которых очень трудно выйти, даже когда двери широко открыты. В них почему-то чувствуешь себя более тяжелым, будто в них гравитационное поле, как на Юпитере. Этот дом – как раз такой. В нашей комнате поле точно сильнее, чем в любой другой точке планеты, так что я почти не переступаю порог. Мои руки весят по сто пудов каждая, и по утрам я едва могу оторвать голову от подушки. Вся комната превращается в кровать, я лежу на ней, как на водяной глади, и пытаюсь понять, что же мне теперь делать. Пейзаж за окном то темнеет, то светлеет, но ко мне это все как будто не имеет отношения, все скользит мимо. Я лежу в кровати, как листок бумаги в ксероксе.

Я всегда жила в подобных домах – домах, привязанных к церкви и ее силе. На ступеньках всегда стояла святая вода, которую я все время опрокидывала, а в шкафах лежали неосвященные церковные хлебцы, которые я тайком подъедала. Первый приходской дом, который я помню, растягивался, сжимался, заглатывал сам себя и бестолково блуждал по пространственно-временному континууму, лениво игнорируя все его законы. Там как будто всегда было три часа дня, за исключением ночи – по ночам там всегда было три часа утра. К тому же тот дом был таким огромным, что мне казалось, будто время от времени он отращивает новые комнаты. Бывало, открою дверь и понимаю, что никогда не видела эту комнату раньше. Однажды я повернула ручку и обнаружила комнату, полную монахинь, тихо шьющих стеганое одеяло, с волосами, заколотыми шпильками, в варикозных носках, голубых юбках и с очками на позолоченных цепочках. Когда я вошла, они синхронно подняли на меня взгляд и улыбнулись так сладко и гостеприимно, словно я была младенцем в корзинке, подброшенным под двери их монастыря. Я закрыла дверь и на цыпочках отошла от комнаты, твердо зная, что больше никогда не найду дорогу назад. Вот каким был тот дом. Неопределенным и живым. Он то увеличивался, то уменьшался, и каждый раз, идя по коридору, я ощущала, что карабкаюсь по дереву, а оно все ветвится и ветвится. Эти чары распространялись и на лужайку перед домом. Однажды я катала там желуди, пристально вглядываясь в глубокие синеватые желобки, которые они оставляли после себя в снегу. А потом подняла глаза и увидела огромный раскидистый дуб – казалось, будто он вырос только что из одного из

моих желудей. Я не могла припомнить, был ли он там раньше, и искренне верила, что это я его вырастила, приняв как должное, что в кончиках своих пальцев я ощущаю всю силу его ветвей.

В начале истории про «Принцессу и Гоблина» одним дождливым вечером девушка решает исследовать свой замок и с удивлением находит седовласую старуху там, где ее никогда прежде не было – она сидит и прядет шелк в дальней комнате, напевая и собирая на завтрак голубиные яйца из-под карниза. Старуха – это само Прошлое, безвылазно сидящее в кресле-качалке. Она вобрала в себя каждый седой волосок, каждое мгновение, которое привело девушку к этой точке из настоящего, в котором она цветет как роза. Глядя на нее, девушка понимает, что она красива или по крайней мере может считать себя таковой.

За моей дверью разворачивается любопытная картина. Моя собственная старушка с седыми волосами на макушке сейчас стоит в коридоре на четвереньках и пытается понять, пойду я в ресторан или нет. Она искренне верит, что, если не посещать ресторан хотя бы четыре раза в день, можно двинуть кони.

– Мам, я работаю! – кричу я.

Долгая пауза.

– А гамбургер скушаешь? – шепотом спрашивает она.

4. Рок-н-ролльный цирк

Когда я в последний раз делила кров с моими родителями, я постоянно ходила в защитных наушниках для стрельбы. Я снимала их только для того, чтобы принять душ, иногда даже спала в них. Но не потому, что была эксцентричной барышней. Мой отец – ходячий армагеддон, несущий с собой повсюду какофонию из жутких и непонятных звуков, от которых не может укрыться никто в радиусе мили вокруг.

Львиную долю этой какофонии составляет гитарная музыка. Но прежде чем я попытаюсь описать ее, позвольте мне задаться извечным философским вопросом: всегда ли музыка прекрасна? Нет, музыка прекрасна не всегда. В «Письмах Баламута» К. С. Льюис определяет музыку, как «бессмысленное ускорение ритма небесного творения», но, как оказалось, музыка вполне может быть и адом на максималках, под аккомпанемент из криков проклятых душ.

Когда на него находит очередное музыкальное вдохновение, он с тихим почтением вынимает из футляра свою бокастую красную гитару и нежно баюкает ее в руках. А затем подключает к самому зверскому усилителю, который только можно легально достать в штате Миссури, и уходит в сумасшедший отрыв. Звучит это как вой рок-группы, гибнущей в авиакатастрофе в семьдесят втором. Играет он так, словно надеется своей игрой сорвать с дамочек панталоны или как будто стоит голый посреди грозы и пытается своей музыкой призвать молнию шарахнуть его в грудь. На самом деле его музыка не так уж плоха, просто заставляет вас усомниться в реальности. Он играет очень быстро и все подряд, но мотив получается абсолютно бессвязным. Никогда не слышала, чтобы он сыграл настоящую песню, даже случайно. За прошедшие годы я даже умудрилась немного изучить его стиль. Некоторые музыканты, уж не знаю при помощи какой магии, заставляют гитару говорить. Отцу эта магия неподвластна, но зато он умеет:

1. Заставить гитару визжать.

2. Заставить гитару сопротивляться.

3. Заставить ее признаться в убийстве, которого она не совершала.

4. Превратить гитару в моряка из «Охоты за Красным октябрем».

Я этого понять не могу и не пойму до самой смерти. «Играет» он по большей части у себя в спальне, так что, быть может, он просто занимается с гитарой сексом? И где-то по миру ходит мой деревянный сводный брат?

Элис, ко всеобщему удивлению, от его музыки просто тащится. Когда он играет, она и на спине катается, и лапами по воздуху молотит. Ну а длинный проигрыш вообще ее выносит. И чем дольше он длится, тем яростнее она мурчит в ответ – как будто этот проигрыш растягивает ее реальное восприятие времени. Она

прямо-таки извивается от удовольствия, крутит хвостом, вываливает розовый язык. Была бы сцена, она бы швырнула на нее свои пушистые трусишки.

Особенно ей нравятся риффы [26 - Риффы на гитаре – это определенный повторяющийся фрагмент музыки. Чаще всего риффами называют крутые запоминающиеся части песен, обычно мировых рок-хитов.]. Есть у отца привычка играть небольшой рифф собственного сочинения – звучит он так, словно республиканский терьер воет на кровавую луну первые несколько нот «Дыма над водой» [27 - Smoke on the Water («Дым над водой» (англ.)) – песня рок-группы Deep Purple, записанная в декабре 1971 года.] и последнюю ноту вытягивает так, что выходит за рамки музыки. А затем с по-детски милым ожиданием смотрит на слушателей, словно спрашивает: «Ну здорово же, правда?» «Очень, очень здорово», – мурчит ему в ответ Элис, извиваясь на капоте его «корвета» так, что ее усы дрожат как струны. Прямо-таки дамочка в леопарде и с пышными кудряшками. Ей только волю дай – будет ждать отца у гримерки и не уйдет, пока он ее не впустит.

– Не надо потешаться над отцом, – говорит мама, застав меня в коридоре за тем, как я с жутко сосредоточенным видом пытаюсь понять смысл очередного папиного выступления. – Он очень талантлив. В старших классах он играл в очень успешной группе, они назывались «Рок-н-ролльный цирк». Один раз они даже выступали для умственно отсталых детей в Кентукки. Твой отец всегда был питал большую симпатию к… – она колеблется, а затем понижает голос до шепота, – …к умственно отсталым.

– И что, детям понравилось?

– О, они были как в раю! У них в группе было десять человек, и все с трубами и тромбонами. Все в красном плюшевом бархате, в обтягивающих штанах, что тут может не понравиться?

5. Служители веры

Я еще не упоминала, что в нашем доме живет семинарист? Летом он время от времени бывает у нас, а осенью вернется в Огайо на последний семестр в семинарии, после которого получит свой сан. Для меня в этом не было ничего

необычного, я с детства привыкла, что в нашем доме шастают какие-то юноши, но Джейсон был сбит с толку.

– Все равно не понимаю, чем занимаются эти семинаристы, – шепчет он, пока мы сидим, уединившись, в нашей комнате. Его понимание той религиозной атмосферы, в которой я росла, не сильно углубилось с момента нашего знакомства. Насколько я вижу, он считает священника своего рода суровым ведьмаком, и никак не может понять, почему католики так угорают по поеданию плоти.

– Может ты объяснишь, пока я ненароком не оскорбил кого-нибудь?

– Ну ладно. Семинарист – это пока еще не рожденный на свет священник, который девять лет плавает в околоплодных водах церковного образования, а затем вылезает из-под епископа и его закутывают в рясу.

– Не думаю, что здесь можно такое говорить, Триш, – предостерегает меня он. – Вдруг Бог услышит.

– Это не Бог, а мама, – говорю я, нарочно повысив голос и кивая на запертую дверь, из-за которой доносится сначала возмущенная тишина, а затем – торопливое шарканье ног, удаляющееся вниз по лестнице.

Я снова понижаю голос. Понимаю, что пройдет всего несколько недель, и я снова перестроюсь на привычный семейный язык, в котором немало вполне нормальных слов считаются ругательствами, но пока что во мне все бунтует.

– В общем, семинарист – это тот, кто учится быть священником.

– А где этому учат? В какой-то школе волшебников?

– Да нет, не волшебников. В обычной школе, но они там тоже днями напролет изучают силы добра и зла.

– Говорю же, школа для волшебников, – бурчит он себе под нос. – А что происходит после выпуска?

– Их отправляют на церемонию в соборе, во время которой остальные священники целуют их в голову – я не совсем понимаю зачем, – а затем они надевают специальную одежду и воспроизводят смерть и воскрешение Христа.

– Похоже, у тебя с ними много общего, – проницательно замечает он. – Они тоже любят плащи, как в фэнтези, эликсирчики и эльфийские песнопения.

– Да, но у них женщины не допускаются. Кроме того, священникам нельзя заниматься сексом, никаким и никогда; можно, только если ты какой-нибудь приземленный европейский служитель и тебя соблазняет крестьянка в оливковой роще. Это почему-то прощают куда охотнее, чем секс в Америке.

Он обдумывает услышанное.

– А порнушку семинаристам смотреть можно?

– НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ, да они и сами не хотят, потому что порнография оскорбляет святую наготу человеческого тела, созданного по образу и подобию Господа.

– Чем же они тогда занимаются в интернете, если порно смотреть нельзя?

– Ну, рассматривают фотографии разных драгоценных камешков и читают блоги епископов, например, о том, почему современные купальники – это зло.

– Но зачем они это делают? Как кто-нибудь вообще может захотеть заниматься чем-то подобным? Зачем?

Я пожимаю плечами. Я-то с шести лет стихи писала.

– Призвание есть призвание.

Наш семинарист – капризный молодой итальянец с презрительно поджатым носом, уложенными в детской стрижке смоляными волосами и глазами, по форме похожими на две арбузные семечки. Как и многие семинаристы, он родился на свет уже пожилым, с трубкой во рту и стаканом портвейна в руке. Он высок, но слегка горбится под тяжестью давящих на него традиций и всякий

раз, выходя из приходского дома на солнце, моргает, как пещерный человек, самые интересные части тела которого все еще находятся в процессе эволюции. Я думала, что и голос у него окажется густым и важным, соответствующим общей картине, но когда он открывает рот, оттуда вылетают раздольные и веселые чикагские ноты. Мне он запал в душу мгновенно и безо всяких причин, так, как западают люди, о которых хочется писать.

Он всей душой предан исключительно трем вещам: Богу, «бьюикам» и Италии. Он верит в то, что идеальная женщина живет где-то на итальянском «сапожке», катается по холмам в красной юбке в клетку, прижимая две бутылки вина к сиськам, похожим на пасту, крепко накрученную на вилку. Он с ней никогда не встретится, но она определенно существует. И ему этого вполне достаточно.

– В Италии очень трудно соблюдать целибат, – говорит он, и на его челюсти подрагивает мускул – вероятно, один из тех, которые участвуют в пережевывании лазаньи. – Но здесь, в Америке, это намного проще.

Я откидываюсь на спинку стула, изучая семинариста взглядом. Вот вам, пожалуйста, мужчина, который в детстве услышал, как горячую чиксу назвали «сочной помидоркой», и воспринял это так буквально, что создал себе установку на всю оставшуюся жизнь. Он понял, что должен стать священником еще в тот день, когда его мать купила такие же сладкие, пьянящие духи, как и его подружка, и принялась ими пользоваться. Если это не знак, то что тогда? Если бы мой отец в девяностых вернулся домой со скейтбордом под мышкой, разглаживая джинсы на заднице и поправляя цепочку от кошелька, я бы не задумываясь тут же ушла в монастырь. Ничего не попишешь, если сама судьба велит.

В послеобеденное время мы часто читаем вместе, сидя в прохладной, затемненной гостиной, при свете косых лучей, падающих в окна с белыми ставнями. Семинарист читает маленькую книжку в кожаном переплете, битком набитую ежедневными молитвами и закладками. Он называет эту книжку своей женой, чем невольно вызывает у меня уважение, и беззвучно шевелит губами, вглядываясь в ее страницы. Эту картину вполне можно было бы назвать утопично-мирной, если бы отец не врубал свою гитаропилу в спальне, а мама не сидела в кухне на телефоне, громко обсуждая с моей старшей сестрой всевозможные ужасы, катастрофы и безвременные кончины. Обрывки ее разговора разносятся по всем коридорам, начисто убивая любую возможность

хоть ненадолго погрузиться в состояние покоя и умиротворения:

– Нет, ты послушай, что я тебе говорю! – слышим мы ее голос. – Когда впервые появился «Супермен», выросло целое поколение детей, уверенных, что они тоже могут летать. И что же? Эти детишки забирались на крыши и прыгали с них, причем часто разбивались насмерть. Ты этого хочешь, я тебя не пойму?

Мы с семинаристом прикрываем рты, пытаясь не расхохотаться. Иногда он даже хлопает себя по голой ляжке. В неурочное время он часто ходит в белой оксфордской рубашке, шортах для гольфа и носках, натянутых до самых колен. Надо ли говорить, что в этом облачении он просто великолепен. И похож на стоматолога-сектанта. Иногда он делает такой жест рукой – будто уточка крякает – чтобы показать, дескать, эта дамочка слишком много говорит, но на деле именно он – самый говорливый человек, которого я когда-либо встречала. Когда ему приходится какое-то время молчать, он хватается обеими рукам за подлокотники своего кресла и трясется, как крышка от чайника. Его ни капли не раздражает наша болтовня и постоянное наличие женских голосов вокруг, более того, стоит всему этому исчезнуть, он чувствует неудовлетворенность какой-то своей базовой человеческой потребности.

– Где ваша жена? – спрашивает он Джейсона, когда я задерживаюсь наверху. – Ваша жена очень забавная.

Нам каким-то образом абсолютно комфортно рядом друг с другом – так иногда бывает, когда сталкиваются люди, совершенно несовместимые и не способные прийти к согласию. Однако проходит всего несколько недель, и становится более и более ясно, что я оказываю на него дурное влияние. Как-то раз мы с ним говорили о гитарах, и я случайно познакомила его со словом «дрочить».

– Что такое «дрочить»? – спрашивает он. – Ты имеешь в виду мастурбировать? Мастурбировать… гитарой?

В этот момент отец наверху начинает наяривать свой рифф. Как почувствовал.

– Как бы ты назвала такую музыку? – спрашивает семинарист, послушав ее несколько минут в полном молчании. Он довольно долго изучал классическое фортепиано и, уж конечно, понимает, что с папиной игрой явно что-то не так. – У нее вообще есть название?

Я раздумываю над термином «церк-рок», но отвергаю его.

– Технически, это просто жопо-рок, – говорю я.

– Жопо-рок! – прыскает семинарист. Очевидно, он никогда прежде не слышал этого слова. – Очень смешно! Жопо-рок!

Я начинаю подозревать, что меня откармливают для жертвоприношения на вершине горы. Мать пичкает меня едой по пять-шесть раз на дню и подсовывает тарелку с печеньем под дверь всякий раз, когда я не отвечаю на стук. Дабы не уступать ей, семинарист подкрадывается ко мне однажды вечером, когда я сплю на диване, и подносит к моим губам кусок ветчины.

– НЕТ! – ору я, потому что именно этому учат в детстве – не позволять никому лезть к тебе со своей ветчиной, пока сама не захочешь.

– Но это ведь очень хорошая ветчина, – умоляет он. – А ты и правда очень худая!

– Сколько же я, по-твоему, должна весить?

– Сто девяносто фунтов, – не задумываясь отвечает он. Очевидно, он немало об этом думал.

Я приподнимаюсь на локте, окидывая семинариста пристальным взглядом.

– Никогда не задумывался о карьере фидера? [28 - В порноиндустрии – человек, эякулирующий партнеру в рот.]

– А кто это?

Что ж, если он не получил сексуальное образование в школе, мой долг – восполнить эти пробелы.

– Ну, это такой папочка, который все кормит и кормит партнершу, пока она не разбухнет. Он пичкает ее печеньками, мороженым, вторыми завтраками,

полдниками, полночными перекусами, в общем, под конец одежда на ней буквально трещит по швам, и они оба от этого в диком восторге.

Его глаза становятся размером с блюдца, узрев открывшиеся перед ним сладострастные перспективы.

– Ее можно раскормить, как захочется?

Я на секундочку представляю себе женщину, которая выпрямляется во весь рост, рвет на себе платье и обрушивает исполинскую ногу на собор Святого Петра.

– Настолько, насколько позволит Господь, – киваю я.

Он бросает на меня заинтригованный взгляд, уступающий лишь тому, который однажды бросил на меня поэт-сюрреалист после того, как я сказала ему, что некоторые мужчины жаждут подсматривать за тем, как их жены занимаются сексом с брутальными дальнобойщиками.

– Видишь ли, мне нужно знать такие вещи, – говорит он с оживлением человека, узнавшего информацию, крайне полезную для будущих свершений. – Я вот только недавно узнал, что такое фурри. Мне рассказал друг, и я был очень удивлен.

Меня так и накрывает от удовольствия, когда я представляю себе эту встречу: двое высоких молодых людей во имя науки о слове Божьем обсуждают тех, кто любит одеваться как плюшевые животные и почесывать друг другу пузико на фурри-фестивалях.

– Чего ради тебе понадобилось интересоваться, что такое фурри?

– Потому что люди будут каяться мне в таких вещах. Кто-то придет и скажет «Я – фурри», а я и понятия не буду иметь, о чем он говорит.

Мне почти хочется снова обратиться в веру – хотя бы ради того, чтобы прийти на исповедь и, когда меня спросят, в чем я хочу покаяться, приложить к решетке между мной и священником свою большую пушистую лапу.

Так или иначе, семинарист прознал о милфах, и теперь эта концепция преследует его в кошмарах, в которых орды милф бродят по равнинам свиданий, брызгают грудным молоком и жаждут всякими уловками завлечь в свои сети юных и неопытных мальчиков, чтобы затрахать их до смерти.

– А милфы пользуются популярностью в светской культуре юношей в возрасте от двадцати и более лет? – интересуется у меня он.

– Да, – со всей серьезностью отвечаю я, жестами сигнализируя Джейсону через всю комнату, чтобы он записал эту цитату слово в слово. – Большой, очень большой популярностью. Больше просто некуда.

Его глаза снова превращаются в блюдца, и он скрещивает ноги, словно хочет защитить свой Святой Грааль от одних лишь мыслей о милфах. Я раздумываю над тем, какую бы еще миленькую ложь ему скормить.

В Британии их называют «Нямко-мамками», и в силу гендерного дисбаланса, случившегося после Второй мировой, на каждого мужчину приходится по две Нямко-Мамки.

Невозможно сказать наверняка, является ли ваша мать милфой, но если она любит играть в бинго – то ответ, скорее всего, «да».

В Италии виноград для вина выжимают исключительно милфы, так что в тот момент, когда вы пьете вино – ваши губы орошает милфья похоть.

В полнолуние милфы лактируют особенно мощным молоком, вызывающим мгновенное привыкание у любого мужчины, уст которого оно коснется.

Он прерывает мои размышления и развивает тему.

– А в чем разница между «милфой» и «хищницей»?

– Хищницы, они… похотливее, – говорю я, быстро соображая. – Милфы вообще не обязательно похотливы, они просто выглядят, как «Мамка-Которую-Хочется-

Трахнуть», а вот хищница всегда возбуждена и рыщет в поисках жертвы.

– Сплошной бардак, – вздыхает семинарист. Он вообще любит бросаться этим словечком налево и направо, а мохнатая самка, выходящая на охоту за нежными мальчиками – это вообще бардак в высшей степени. – Надеюсь, я никогда ее не встречу.

Я наклоняюсь очень близко к его лицу и строю самые кошачьи глазки, на какие только способна.

– Слишком поздно, дружок. Ты уже встретил.

Мое желание пропустить его через тест на гомосексуальность так ощутимо, что его можно ножом резать. По словам отца, они проводят эти тесты с чернильными пятнами для всех будущих священников, чтобы узнать, не одержимы ли те сладким бесом влечения к своему полу. Называется этот тест «А сиськи или яйца?», но для краткости да забавы ради они называют его «АСИСЯЙ». Не уверена, сами ли эти чернильные пятна являются гейскими – например, в них таятся мужские яички, расцветают калейдоскопом мужские попы, читаются слова «Я ГЕЙ!» или летают знаменитые бабочки Роршаха, но с висящим бубенцами – или они просто ждут, что респонденты сами разглядят в них что-нибудь эдакое. В любом случае, тест не назовешь ни научным, ни просто здравым, но мой отец всегда возлагает на него большие надежды.

– Это очень надежный тест, – говорит папа с самодовольным видом человека, который точно знает, что сдал бы его на отлично. Если бы он проходил этот тест, он бы увидел сплошь Бэтмобили, но «эти ребята» точно разглядели бы там обнаженного Робина. Его убеждения касательно гомосексуальности в целом совпадают с общецерковными, но с небольшими личными ответвлениями. Например, в начале этой недели он сообщил, что Элтон Джон стал геем, «потому что его воспитывало слишком много тетушек».

Когда семинарист проходил этот тест, он увидел кроликов.

– Ты видел… кроликов? – спрашиваю я.

– Кролики – это норма, – авторитетно заявляет он. – Это хороший признак. А вот чего стоит опасаться – так это увидеть на картинке полуживотное-получеловека, вот это уже тревожный звонок.

Старые добрые кролики говорят о том, что вы любите Пасху, но горе вам, если вы увидели кролика с сочной задницей.

Важное примечание: надеюсь, вы понимаете, с каким крахом я бы завалила этот тест, если бы все же решилась его пройти? Я бы получила что-нибудь гораздо хуже, чем просто «кол». Но отец не дает мне даже одним глазком взглянуть на тест. Видимо, боится того, что он может показать. Он знает, есть только одна причина, по которой я не привела домой девушку по имени Сапог с огромными тоннелями в ушах, и что это лишь тот сомнительный факт, что я в двадцать один год выскочила замуж за человека, которого повстречала в киберпространстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Начальные обряды – первая часть католической мессы, призванная объединить присутствующих и подготовить к основной части службы (здесь и далее прим. пер.).

2

SAT Reasoning Test (а также «Scholastic Aptitude Test» и «Scholastic Assessment Test», дословно «Академический оценочный тест») – стандартизованный тест для приема в высшие учебные заведения в США.

3

Пролайф, или движение «в защиту жизни», «в защиту человеческой жизни», «за жизнь», – переводы английского термина pro-life, которые обозначают общественное движение, нацеленное на запрет или ограничение абортов.

4

Раш Лимбо – американский консервативный общественный деятель, ведущий рейтинговое радио-шоу The Rush Limbaugh Show.

5

Уильям Джеймс «Билл» О’Райли – американский журналист, политический обозреватель, ведущий телепрограммы «Фактор О’Райли». Является также автором нескольких книг по социально-политическим проблемам США.

6

Тетоны (также – лакота, тетон-сиу, равнинные сиу, западные сиу, лакота-сиу) – индейское племя на западе США.

7

Популярный персонаж комикса «Кельвин и Хоббс» художника Билла Уоттерсона, которого часто изображают на футболках.

8

Коан – явление, специфическое для дзэн-буддизма (в особенности для школы Риндзай). Цель коана – дать ученику определенный психологический импульс для достижения просветления или понимания сути учения.

9

Цитата из романа Вальтера Скотта «Мармион».

10

Массачусетский технологический институт – университет и исследовательский центр, расположенный в Кембридже, штат Массачусетс, США. Также известен как Массачусетский институт технологий и Массачусетский технологический университет. Одно из самых престижных технических учебных заведений США и мира.

11

«American Pie» – фолк-роковая песня, написанная американским автором-исполнителем Доном Маклином для одноименного альбома в 1971 году.

12

Фланнери О’Коннор – писательница Юга США, представительница жанра южной готики.

13

Пятерняшки Дион – первые известные пятерняшки, пережившие младенчество. Через четыре месяца после рождения их передали на воспитание Красному Кресту. Правительство провинции Онтарио начало зарабатывать на близняшках, сделав их туристической достопримечательностью.

14

The New Yorker – американский еженедельник, публикующий репортажи, комментарии, критику, эссе, художественные произведения, сатиру и юмор, комиксы и поэзию.

15

Сбор пожертвований.

16

Лора Инглз Уайлдер – американская писательница, автор серии книг для детей «Маленький домик в прериях» о жизни семьи первопроходцев времен освоения Дикого Запада.

17

Евангелие от Матфея 11:4.

18

Отсылка к поэме Сэмюэла Тейлора Кольриджа «Баллада о старом моряке», в которой моряк, подстреливший дружелюбного альбатроса, в знак покаяния вынужден носить его тушу у себя на шее.

19

Лесси – вымышленная собака породы колли, персонаж многих фильмов, сериалов и книг. По сюжету ее хозяин, 13-летний мальчик по имени Тимми, постоянно куда-то падает.

20

Закусками (франц.)

21

Каирн (также тур или гурий) – английский археологический термин, для обозначения искусственного сооружения из груды камней, кургана или дольмена.

22

«Космос» – научно-популярная книга Карла Сагана, астронома и лауреата Пулитцеровской премии, изданная в 1980 году. Посвящена различным научным темам от происхождения жизни до места человечества во Вселенной.

23

«Пресвятая Дева Мария» (1996), написанная британским художником Крисом Офили частично с использованием слоновьего навоза, была продана на аукционе Christie’s за $4,5 млн.

24

«Символ любви» – непроизносимый символ, который певец Принс выбрал в качестве нового имени. Представляет собой смесь гендерных символов мужчины и женщины.

25

Аббревиатура «Иисус Назарянин, Царь Иудейский» изображается на титле распятий, над фигурой Христа. Согласно Новому Завету, первоначально фраза была написана на табличке Понтием Пилатом и прикреплена к кресту, на котором распяли Иисуса.

26

Риффы на гитаре – это определенный повторяющийся фрагмент музыки. Чаще всего риффами называют крутые запоминающиеся части песен, обычно мировых рок-хитов.

27

Smoke on the Water («Дым над водой» (англ.)) – песня рок-группы Deep Purple, записанная в декабре 1971 года.

28

В порноиндустрии – человек, эякулирующий партнеру в рот.

Купить: https://tellnovel.com/ru/lokvud_patriciya/svyatoy-papochka

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить